

Георгий
Ланской

НА РАССТОЯНИИ
ЗВЕЗДОПАДА

Георгий Ланской

На расстоянии звездопада

«Автор»

Ланской Г. А.

На расстоянии звездопада / Г. А. Ланской — «Автор»,

Карьера телеведущей Ульяны Некрасовой оказывается подбитой на взлете. Едва она возвращается с отдыха на Мальдивах, как ее выгоняют с телеканала. Но увольнение – не самая страшная беда. На островах Ульяна заподозрила у себя рак груди. Возлюбленный, узнав, что Ульяна больна, бросает ее. Переосмысливая свою жизнь, Ульяна решает поехать домой, в маленький провинциальный городок, попрощаться с родными. Ситуацию осложняет то, что незадолго до этого на ТВ вышел фильм о детстве и юности Ульяны, в котором она не сказала ни о родне, ни о знакомых ничего хорошего. И теперь телеведущей придется бороться за жизнь в абсолютно враждебном мире. Но под созвездием Млечного пути умирающая звезда найдет нового союзника и любовь.

© Ланской Г. А.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Георгий Ланской

На расстоянии звездопада

Часть первая

Поезд, наконец, дернулся и медленно поплыл вперед. За стеклом, довольно грязным, еще виднелись знакомые и смутно знакомые лица, которым следовало помахать, удерживая на лице специально припасенную для таких случаев улыбку: лучезарную и не очень искреннюю, старательно отрепетированную перед зеркалом, когда надо было поразить целую толпу. В поле зрения попали операторы: свой и приبلудный, с местного телевидения: настырный, лысоватый, в бейсболке, на которой красовался логотип CNN, неуместный в этой дыре. Увидев операторов, Ульяна улыбнулась еще шире и помахала рукой.

Провожающие повторили ее жест. И чего так радуются? То ли ее успеху, то ли отъезду? Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали...

Оператор, свой, родной Васенька, отсняв момент прощания, торопливо бросился к вагону, чтобы успеть запрыгнуть на ходу. Кто-то, скорее всего помреж, дернул стопкран, и поезд споткнулся, визгливо заскрежетав колесами. Из окна не было видно, успел оператор запрыгнуть внутрь, но в любом случае, красоваться больше не было смысла. Приبلудный оператор семенил за вагоном со своей камерой, но напрягаться из-за какого-то местного телеканала с аудиторией в пару тысяч человек не было смысла. Чего они там покажут? Двухминутный сюжет?

Ульяна убрала с лица улыбку и торопливо шмыгнула в купе. Ну, все, прощай родина!

Поезд вновь начал набирать ход, оставляя позади маленький вокзал с кучкой провожающих, без которых было никак не обойтись, и которых согнали к перрону, словно скот, хотя они не очень сопротивлялись. Развлечений тут по-прежнему не хватало, а уж таких, как визит заезжей знаменитости и подавно. За стеклом мелькнул элеватор, потом наполовину разрушенная водонапорная башня из красного кирпича, цепочка неаккуратных гаражей, выкрашенных серебрянкой, а потом разномастные, убогие домишки барачного типа на четыре квартиры. Когда-то давно (она еще помнила это время) обещали, что эти дома – нечто временное, полустанок на пути к счастливому будущему. Мать стояла в очереди на квартиру, и все детство Ульяны прошло в таком же бараке, с крохотным огородом, сарайчиком, раскидистыми ивами в дворике. За детством пришла юность, а за юностью – осознание, что нет ничего более постоянного, чем нечто временное. Дома в родном городе строили вяло, очередников было много, а мать, боязливая и робкая, стеснялась ходить к начальнику и стучать кулаком по столу, доказывая, что она давно почетный работник и вполне заслужила отдельную квартиру, где зимой не надо бежать в уличный сортир, продуваемый всеми ветрами, с разрезанными пополам почтовыми уведомлениями вместо туалетной бумаги, и одинокой лампочкой под потолком, о которую входящие непременно ударялись головой.

Все здесь было убогим, и за много лет ничего не изменилось, разве что смутно знакомые лица скукожились, покрылись сеткой ранних морщин. Но говорили они так же, заканчивая фразы полувопросительным «ага», так же лужгали семечки, да и мыслили так же.

Страна рухнула, а бараки – совершенно однотипные, разбросанные вдоль паутины железнодорожных путей, оказались незыблемыми, словно мавзолей. Вокруг них, понатыканных по всей стране, кипела жизнь. Люди ковырялись в огородиках, поливали грядки, копались в моторах столь же древних, как эти покосившиеся жилища, машин, и, наверное, уже ни на что не надеялись. Колосс СССР, обещавший к двухтысячному году отдельную квартиру каждому гражданину, подломил глиняные ноги и рухнул, погребая под обломками надежды кормивших

его лилипутов. Но лилипуты выжили, хотя тогда, в страшных девяностых, это казалось почти невозможным, и стали лепить из глины нового колосса, приспособившись, кто как мог.

Страна рухнула, а деревянные сортиры с лампочкой под потолком остались. Уж в этом Ульяна убедилась, и в который раз пожалела, что согласилась участвовать в этом бедламе.

Под конец сезона телевидение решило запустить новый проект. Идея, мягко говоря, свежестью не отличалась, однако должна была иметь определенный успех.

Креативный директор канала вдруг вбил себе в голову, что народу страсть как необходимо показать звездную лимиту, покорителей столицы, подав это под романтическим соусом. Золушки обоюго пола должны были отправиться на историческую родину, показав в каких условиях жили прежде. Звезд, родившихся в Петербурге и Москве отметили сразу, выбирая среди «понаехавших». Лимитчиков, урвавших свой кусок славы, оказалось предостаточно, гораздо больше, чем жителей обеих столиц. Они оказались нахрапистее, вцепляясь в добычу бульдожьей хваткой, и при определенных талантах, плюс чуточку трудолюбия и отсутствию принципов, довольно успешно бултыхались в жирной пенке успеха.

Ульяна тоже бултыхалась, и весьма успешно. Подумать только, целых двадцать лет назад она бросила занюханый уральский городишко, поспешив в суматошную столицу искать лучшей доли, без всяких на то оснований, надо сказать. В бесформенной сумке была смена белья, две юбки, кофточка и джинсы, потому как предполагалось, что уедет Ульяна ненадолго, на разведку. Во всяком случае, мать планировала, что дочь, помыкавшись в столице, вернется назад. И только сама Ульяна знала, что не вернется никогда.

Она и не вернулась. Хотя, конечно, хлебнула по самое горлышко, и бывало всякое, отчего хотелось бросить новую, затягивающую жизнь, и забиться к маме под крыло. Однако, Ульяна терпела, затягивала пояс потуже, и убеждала себя: все наладится, все будет хорошо...

Она сделала карьеру, стала успешной, знаменитой и даже относительно богатой. Подумать только! Из провинциальной девчонки, с пятнадцатью килограммами лишнего веса, отчаянно-рыжей, пышногрудой, совершенно не вписывающейся в формат тощих телевизионных див, она вдруг стала звездой экрана! Хотя до этого пришлось подвизаться и в третьесортной газетенке, брать интервью у чиновников всех мастей и даже немного петь в пошлой поп-группе, просуществовавшей всего месяц, влачить полуголодное существование и давить желание сдать ся.

– Цыпа, – сказал ей как-то лучший друг Вадик, стилист, насквозь голубой, когда она пришла перекрашиваться в блондинку – на фига тебе это надо? Твоя фишка знаешь в чем?

– В чем? – мрачно спросила Ульяна.

– В естественности! Есть у тебя рыжина – не борись с ней. Рыжие очень даже актуальны в этом сезоне, да и вообще... Вон, глянь на Милен Фармер, та вообще как морковка.

– Фармер тощая, как велосипед.

Вадик закатил глаза.

– О, господи... Ну, на нашу приму посмотри. Ведь рыжая же! Сколько себя помню, она масть не меняла, а тебе зачем? Давай мы тебе лучше какой-нибудь веселенький оттенок подберем...

Пример главной певицы всея Руси Ульяну не очень убедил. У той голос был, а у Ульяны что? Мяукала еле-еле, сознавая собственную бездарность. Да и имечко было дикое по тем временам: Ульяна Некрасова. Жуть. Раскрутись их группа, наверняка пришлось бы брать звучный псевдоним, что-нибудь вроде Бо Дерек. Скромненько и со вкусом.

Вадик, правда, когда она озвучила ему эту идею, долго хохотал и предлагал другие варианты: Белокурая Жози, Эсмеральда Глютц или Инна Шницкер. Его почему-то тянуло к более экзотическим именам. Но к тому времени, когда псевдоним был утвержден на их крохотной кухне, группа сдохла, и Ульяна вновь отправилась в свободное плавание, успев завязать кое-какие полезные контакты.

Полезные контакты аукнулись через пару лет, когда Ульяну внезапно пригласили пройти кастинг на роль телеведущей. Новый продвинутый телеканал искал раскрепощенную девушку, готовую учить страну премудростям Камасутры, проверять влюбленных на верность и возвращать уверенность в себе потерявшим надежду женщинам. Послушавшись Вадика, Ульяна явилась на кастинг, выкрасив волосы в пламенно-рыжий, надела платье с глубоким вырезом и туфли на десятисантиметровой шпильке, невероятно натиравших ноги, и почти не удивилась, когда ее утвердили. Должно же было милосердное провидение хоть как-то вознаградить ее за мучения?

Все действительно стало хорошо.

Она проработала на телеканале несколько лет, явившись перед зрителями в образе раскованной и томной женщины-вамп. Когда программа стала терять рейтинги, Ульяна сменила канал, программу. Она участвовала в разных проектах, снялась в малобюджетном фильме, который даже имел небольшой успех в прокате, вела концерты и корпоративы. За двадцать лет Ульяна ни разу не приехала в родной уральский городок, с которым были связаны далеко не самые теплые чувства. И будь ее воля, не вернулась бы сюда никогда.

Когда Ульяна ввалилась в квартиру, Сашка еще спал, что было неудивительно. Он никогда не вставал раньше полудня, а если дать волю, мог проваляться часов до четырех, если не было никаких срочных дел, вроде концертов или съемок. Судя по тому, что он не пошевелился, даже когда она грохнула чемоданом о пол, накануне он где-то неплохо погулял.

Ульяна вздохнула.

Вообще, она надеялась, что он ее встретит, и даже позвонила ему перед отлетом. Из родного Юдино на поезде пришлось тащиться аж двенадцать часов до самого Челябинска, так как поблизости не было ни одного крупного города с аэропортом. По пути она несколько раз звонила, мурлыкала в трубку, пока Уральские горы не отсеки спутник, и все намекала, что была бы рада, так рада, если бы в Шереметьево ее встречали с букетиком роз. Можно, конечно, и без букетика, достаточно поцелуя в шейку при всем честном народе. Вася, конечно, не упустил бы возможности заснять момент трогательной встречи влюбленных, а потом этот момент можно будет вставить в передачу. А еще она могла бы сесть в Сашкину машину, положить ему голову на плечо и пожаловаться на ужасную поездку.

Сашка намеков не понял, или сделал вид. Была у него такая очаровательная привычка, делать вид. Он вообще этим частенько занимался: делал вид, что востребован, делал вид, что богат, делал вид, что талантлив. Ульяна его не разубеждала – зачем? Критики он никакой не выносил, надувался, становился в позу и начинал орать, как истеричная баба. Потом, правда, ластился, как кот, шикарно вставал на колени, целовал руки, или смешил ее до колик.

– На черта тебе такое счастье? – недоумевал Вадик, пропуская между длинных пальцев ее волосы, прежде чем отрезать лишнее. – Он же маменькин сынок, истеричка. И потом, он же моложе тебя на шесть лет!

– На три года, – возмущенно поправила Ульяна.

– На шесть! – безжалостно парировал Вадик. – И вот это тощезадое чмо ты пригрела на своей роскошной груди? Уля, он давно сбитый летчик, какого хрена ты таскаешь его на поводке?

– А если это любовь? – прищурилась Ульяна, произнося эту фразу голосом легендарной актрисы. С Вадиком они частенько цитировали любимые фильмы, вот и сейчас он по первому сигналу бросил нужную реплику:

– Кака любовь? – сварливо произнес он писклявым дискантом.

– Така – любовь! – веско ответила Ульяна, а потом добавила уже менее уверенно: – Ну, может, не любовь, но я, честное слово, к нему так привыкла. Мне с ним хорошо, спокойно и главное – я ничего ему не должна.

– М-м-м, – промычал Вадик, шелкая ножницами. – Элементарная привычка! Только, цыпа, я все равно тебя не понимаю. Вокруг тебя такие мужики ходят, слюну пускают, а ты вцепилась в этот... не знаю, как назвать... Орден женской доблести. А он тобой пользуется.

– По-моему, ты просто завидуешь, что такая ягодка не тебе досталась, – возразила она. Вместо ответа Вадик сдернул ее с кресла, усадил к мойке, в сердцах выдавив больше шампуня, чем требуется. Блаженно вытянув ноги, Ульяна расслаблялась, чувствуя его пальцы в своих волосах, но в душе шевелилось смутное беспокойство.

Вадик, вообще-то был прав. Вне обычной жизни Сашку называли Икаром, и был он певцом «из перспективных и восходящих». Точнее, таковым он считался лет десять назад, когда прогремел на всю страну с хитами «Неспящая Москва» и «Мой сын». Раскручивать смазливового певца Икара начинал один из самых крутых продюсеров России, ныне покойный Люк-сенштейн, но потом что-то не заладилось. Рассказывать об этом Сашка не любил. В итоге все закончилось плохо. Икара подстрелили на подлете, когда он уже заработал несколько музыкальных премий, вычеркнули из всех медийных ротаций и перестали приглашать на концерты. Теперь певец Икар порхал на остатках былой славы, выступал в ночных клубах со старыми хитами и злился на весь белый свет. Сейчас был именно такой период. Об Ульяне делали фильм, где он должен был мелькнуть лишь в эпизоде, и это его раздражало. Скорее всего, именно потому встречать любимую в аэропорт он и не поехал.

Пристроив чемодан в прихожей, Ульяна сбросила туфли, прошла в гостиную, на ходу стаскивая с себя кофточку, споткнувшись по пути о Сашкины джинсы. Тот, видимо, так устал накануне, что сил повесить брюки в гардероб не хватило. Ульяна подняла джинсы, пристроила их в кресло и, заглянув в спальню, убедилась: спит, голубчик.

Казалось, что все тело пропахло тяжелым запахом вагона. Она даже в самолете принималась, без конца прыскала на шею духами, но избавиться от ощущения грязной кожи так и не смогла. В душ скорее... А потом кофе. Или поесть заодно? В самолете кормили какой-то отравой, не учитывая даже, что она летит в бизнес-классе. Что это еще за сервис, если летишь в бизнес-классе, а кормят так же, как простых смертных? Да еще стюардесса попалась хамоватая. Ульяна еще подумала: надо запомнить имя и наябедничать, но сейчас голова гудела как трансформатор.

Избавившись от одежды, она забралась в душевую кабинку и подставила лицо под горячую воду. Как там звали эту стюардессу? Александра, кажется?.. Точно, Александра, прямо как посапывающего в спальне певца Икара, сбившего одеяло в кучу.

Выйдя из кабинки, Ульяна привычным движением закрутила полотенце на голове, и, как была, голая, уставилась в зеркало, смутно надеясь увидеть там роскошную красотку, похудевшую и подтянутую.

Да уж.

Красотки не было и в помине. Зеркало безжалостно отразило поплывшую фигуру с крупным коровьим бюстом, совершенно неизящным, раздавшуюся талию, которую и талией-то стыдно было назвать, и попу: большую, круглую, как Луна.

– Задница, хоть телевизор ставь, – со вздохом, говаривала мать еще двадцать лет назад, когда Ульяна заканчивала школу. Сестрица Танька злорадно гоготала, хотя у самой задница была не лучше.

При мыслях о родственниках в животе стало как-то мерзко. С расстройства, Ульяна направилась на кухню и вместо того, чтобы удовольствоваться чашечкой черного кофе, бухнула в него две ложки сахара, да еще и сливок налила для вкусноты, а потом, воровато обернувшись на дверь, вытащила из холодильника кусок жирной буженины, отрезала изрядный ломоть, бухнула на хлеб и даже майонезом сверху помазала. Зажмурившись от удовольствия, она стала рвать зубами мясо, а съев, облизала вымазанные майонезом пальцы, словно сытая кошка. Запив бутерброд кофе, Ульяна клятвенно пообещала себе сесть на диету, и пошла в

спальню, шлепая босыми ногами по паркету. Забравшись в постель, она торопливо чмокнула Сашку в висок.

– Ты уже приехала? – сонно спросил он.

– Уже. А чего ты мне не отвечал?

Сашка отчаянно зевнул, покрутился на месте и повернулся к ней.

– Ой, я, по-моему, телефон на вибрацию поставил и куда-то засунул... Ты не видела?

– Нет, – буркнула Ульяна и слегка попинала одеяло, чтобы оно распрямилось. Сашка снова зевнул, а потом, уткнувшись носом ей в щеку, спросил:

– Как прошло?

– Феерично, – фыркнула Ульяна. – Я даже пожалела, что ты не поехал.

– Правда?

– Правда. Это какой-то День Сурка, честное слово. Представляешь, там ничего не изменилось. Ну, люди стали старше, кого-то не узнала вообще, но я поймала себя на том, что по привычке обхожу рытвины и ухабы, которые были еще двадцать лет назад, представляешь? Я даже вспомнила, что на вокзале есть сломанная ступенька, и я всегда попадала в дыру каблук. И сейчас попала.

– Жуть какая.

– Вот именно. Ты давно в последний раз был в городе, где на центральной улице можно вляпаться в коровью лепешку?

Сашка почмокал губами, а потом лениво спросил:

– Это метафора?

– Какая еще метафора? Я тебе реальные вещи говорю. Мы подъехали к моей школе, и там, прямо перед входом была навалена куча. Там же частный сектор с двух сторон. И запах, Саш... Я почти испытала ностальгию, особенно когда меня угостили парным молоком. Представляешь? Какая-то бабулька древняя выползла из старого дома и вынесла трехлитровую банку с молоком.

Сашка что-то промычал, а его руки чересчур активно зашурдели под одеялом, тиская груди. Ульяна подвинулась, чтобы ему было удобнее тискать и блаженно расслабилась.

– Родню-то всю увидела? – не к месту спросил он, и Ульяна мгновенно напряглась.

Увидела она многих, хотя собиралась сократить количество приглашенных родственников и знакомых, делящихся откровениями с камерой. Хотелось подать себя в лучшем виде, как все и было запланировано, этакой Золушкой, готовой самоотверженно трудиться ради благой цели. Потому родню и знакомых пришлось фильтровать, что, к сожалению, не очень получилось. Сестрица Танюша была готова из себя выпрыгнуть, лишь бы покрасоваться на экране, братец – та еще ехидна, тоже не затыкался. Кульминацией вечера был визит троюродной тетки Сони, бойкой двухметровой старухи лет семидесяти. Помреж, правда, пытался воспрепятствовать ее появлению на площадке, но Соне было море по колено, а учуяв спиртное, она могла разнести в клочья любую преграду. Выпив рюмочку, Соня начала откровенничать, и заткнуть ее было невозможно.

– Больше, чем хотела, – ответила Ульяна. – И поняла, что совершенно не скучала.

Короткий визит на родину ненадолго испортил настроение. Буквально на следующий день Ульяна вновь окунулась с головой в привычную суету съемок. Сашку пригласили на кастинг нового шоу, которые плодились на телевидении, словно кролики. Медийные личности были там желанными гостями, но довольствоваться приходилось звездами второй, а то и третьей величины, которых еще узнавали в лицо, но не помнили ни имен, ни заслуг. А для тех это была единственная возможность напомнить о себе. Новый проект, да еще и на главном канале страны вполне мог расшатать стену отчужденности и невнимания, преследовавших певца Икара в последнее время. Авось и на концерты будут приглашать. Благо песен за это

время было записано немало: дрянных, в два притопа, три прихлопа, но небалованная публика должна была схавать.

Ульяна надеялась проваляться на диване целый день. Погода все равно не радовала, дождь хлестал стеной, сбивая с цветущих яблонь лепестки. Дома было холодно и сыро. Уходя, Сашка открыл окна, и теперь пятки к полу буквально примерзали.

Забившись под одеяло, она лениво размышляла, что проваляется часов до двенадцати, потом выпьет кофе, может быть, даже позавтракает чем-нибудь легким, вроде каши на воде, без масла, и вообще будет есть кашу без масла пару недель, отчего сдуется сразу на два размера. Еще было неплохо постирать. Приходящую домработницу к своему белью Ульяна не допускала, а Сашка точно в отсутствии хозяйки дома не дал себе труда даже тостер включить. Вон, носки по всей квартире до сих пор валяются, скомканные в кособокие кучки неаппетитного вида.

Телефонный звонок настиг ее в тот момент, когда она уже запихивала вещи в стиральную машину, фальшиво подпевая знаменитому Диме Белову, порвавшему Европу на последнем вокальном конкурсе. Злые языки, правда, говорили, что результаты были сфабрикованы, но доказать ничего не смогли, а может, не очень и хотели. За старательными мелизмами Белова Ульяна не сразу услышала звонок, а увидев, что звонят с работы, скривилась, заранее приготовившись врать.

– Уля, – торопливо сказал креативный директор, – ноги в руки и на работу. У нас тут скоро будет сам Алмазов.

– Я не могу, я не в Москве, – сказала Ульяна.

– Не звезды. Мы твоего Сашку только что видели, он сказал, ты дома. Давай-давай, мы и так Тео еле уговорили...

Ульяна отключила телефон и выругалась сквозь зубы. Накрылся выходной.

Легендарный певец Теодор Алмазов, разменяв пятый десяток лет, вдруг всерьез озаботился собственным отцовством и внезапно родил двух близнецов. Родил, естественно, не сам, а при помощи суррогатной матери, чье имя держалось в строжайшем секрете. Чад Алмазов прессе не показывал, надежно укрыв где-то в Майями, и вообще на тему отцовства говорил неохотно. Заполучить его на передачу было неслыханной удачей. Не понимать это Ульяна не могла, но тащиться на работу в середине дня ей до смерти не хотелось, оттого она злилась, металась по квартире, разыскивая сумку, ключи от машины и даже телефон, который все время был в руке. Наскоро подкрасившись, она втиснулась в джинсы и блузку и, с сомнением посмотрев на стиральную машину, решила оставить все как есть. Вечером можно постирать, или вообще завтра. В прошлый раз она вот так умчалась на съемки, а с машинки соскочил шланг. Пришлось оплачивать соседям снизу ремонт. Кажется, они были рады такой оказии, поскольку их квартира давно нуждалась в ремонте. Судом, во всяком случае, грозили с невероятным энтузиазмом.

Оттого, что поток машин схлынул, до работы Ульяна добралась довольно быстро, ловко лавируя между нервными внедорожниками на своем мини-купере. На улице нисколько не потеплело, и дождик еще моросил, но настроение уже пришло в норму. По пути Ульяна подпевала мурлыкающей из динамика певице, старательно что-то выводившую про любовь, яды и убийства, смешанных со слезами и розами. Сашка такую музыку не любил, презрительно называл попсытиной, хотя именно в таком стиле пел сам.

Подумав об этих противоречиях, Ульяна фыркнула и неожиданно для себя рассмеялась. Розы-слезы он, значит, презирает, а сам по первому свистку поехал прыгать с тумбы на тумбу.

Кра-со-га!

Парковочных мест у стен Останкино было немного, но, к счастью, Ульяна издала заприметила щербину в стройном ряде иномарок, и поспешила припарковаться, едва не столкнув-

шись с сердито сигналившим «мерседесом». Прищурившись, она разглядела знакомую физиономию телеведущего Егора Черского.

Егор тоже принял участие в проекте о звездных Золушках, хотя она не понимала, зачем его туда запихнули. В отличие от большинства участников, он происходил из богатой семьи. Папашка его владел едва ли не половиной Москвы. Сам Егор сделал головокружительную карьеру за пару лет, став настоящим идиолом современной молодежи. На Черского равнялись, перенимали его стиль одежды, растаскивали на цитаты брошенные вскользь фразочки, а весть, что он женился, стала настоящим ударом для женской аудитории, в мечтах представлявших его своим. Верный Васятка говорил, что передача с ним получилась скучноватой, без острых углов и драм. Ну, приехал, ну покорила при помощи влиятельного папаши, хоть и утверждал, что сам. Но кто ж ему поверит?

Черский махнул рукой, мол, проезжай, и Ульяна проехала, лихо припарковав свой миникупер. Егор остановился рядом, вылез из машины, роскошный, плечистый, в дикой майке с рваной улыбкой Джокера, выудил с заднего сидения плотно набитый пакет и улыбнулся.

– Все хорошеешь?

– Стараюсь, – ответила Ульяна, покосилась на пакет и насмешливо произнесла: – Опять тормозки? Балует тебя супруга.

Она прекрасно знала, что на работе Черский никогда в буфет не ходит, и вообще есть старается украдкой, чтобы никто не видел. Даже в ресторанах он садился так, чтобы никто его не видел. Об этой особенности знала вся его команда, беззастенчиво выжирая принесенную Черским еду.

– Вот еще, это я сам готовил, – отмахнулся Егор. – Домработница в отпусках. Алинка в Лондоне.

– А сыночка с ней?

– Сыночка с дедом. *Mon papa* решил компенсировать загубленное детство сына, загубив воспитание внука. Говорит, справляется неплохо, и я даже охотно верю. У его обоже такие буфера, что ребенок потом на мамины смотрит с недоумением.

Ульяна рассмеялась.

– Сколько ему уже? Год?

– Обижаешь, – надулся Егор. – Два с половиной. Сейчас фотку покажу.

Поставив пакет на крышу машины, он выудил из кармана телефон и сунул Ульяне под нос.

Она вежливо посмотрела.

На заставке улыбался мальчонка в смешной вязаной шапочке с оленьими рогами. Улыбка, а точнее, ухмылка была абсолютно глумливая, как иногда бывает у детей, кривая на один бок и абсолютно папина. И глазищи, громадные, чернющие, с девчоночьими ресницами, тоже были папины. На животе карапуза лежала широкая мужская ладонь, поддерживающая его на отцовских коленях.

– Надо же, как быстро растут чужие дети, – сказала Ульяна. Егор взял пакет и затолкал телефон в задний карман джинсов. Подхватив под руку, он повел ее к телецентру, не реагируя на приветствия незнакомцев, чертов сноб!

– Сама-то не собираешься рожать?

Ульяна пожала плечами. Она всегда старательно обходила разговоры о детях, то отшучиваясь, то отмалчиваясь. Видимо, почуввав перемену в ее настроении, Егор сказал:

– Между прочим, сегодня твой на кастинг приезжал. Был румян и весел.

«Наверное, отбор прошел», – подумала Ульяна и поинтересовалась:

– Вести проект ты, что ли, будешь?

– Ну, а кто еще? – пожал плечами Егор, и она согласилась: действительно, а кто еще?

Новое шоу посвятили грядущей Олимпиаде, и условия отбора там были ужасающими. Звезды должны были соревноваться в нескольких видах спорта: гимнастике, прыжкам в воду, стрельбе из лука и пистолета, прыжках в высоту и длину. Ульяна, которую под страхом смерти не загнали бы на вышку, с содроганием думала о тех, кому предстоял этот ужас.

Эфиры, эфиры... Полцарства за эфиры... Она покосилась на улыбающегося Черского и пожала плечами.

– Логично. Но вообще где справедливость? Они, значит, будут в горящий обруч прыгать, да с вышки сигать, а ты останешься в чистеньком костюме? Или боишься пробовать?

– Я, на минуточку, вообще-то мастер спорта по гимнастике, – обиделся Егор и потащил ее внутрь телецентра. Они торопливо пролетели через вестибюль. Ульяна, запинаясь на высоких каблуках, кивала направо и налево, отвечая на приветствия, не прекращая говорить.

– Да? Не знала. Очередная веха в твоей биографии. Кстати, мастер, когда ко мне придешь на передачу? – быстро спросила она и даже за рукав схватила, чтобы не сбежал, как всегда. Егор надавил на кнопку лифта и привычно заюлил.

– Уль, ну какая передача? Чему я могу научить людей? Я нудный, скучный, женатый человек, и сексом занимаюсь в миссионерской позе, без всяких там извращений. Не поверишь, у меня дома ни одной секс-игрушки. Я абсолютно нормален, просто до ломоты в зубах. Тебе нужен унылый бубнеж про супружеские обязанности?

– Какой бубнеж? – рассмеялась она, но локоть все равно не выпустила. – Ты же столько болтаешь, что летом даже язык загорает. Нет, Черский, я серьезно. Придешь, побалаболишь чуток, и гуляй, Вася!

Лифт остановился. Егор вывалился наружу. Ульяна, не желая выпускать его из рук, вышла следом.

– Я тебе тоже вполне серьезно говорю, что не хочу, – сказал он. – Есть какие-то пределы. Пойми, мне неинтересно вываливать на всю страну подробности того, как я трахаюсь. Желających что ли мало? Да я тебе сейчас сотню найду одним свистком.

Егор огляделся по сторонам и мотнул подбородком.

– Глянь, вон наш импозантыш идет. Хочешь его на шоу? Могу попросить.

– Лучше не надо, – быстро сказала Ульяна.

– А чего?

– Ничего. Совершенно не хочу знать, как он трахается. Нет у меня к нему интереса.

– Да? А у него к тебе, похоже, есть...

Егор замахал рукой, а Ульяна стиснула зубы, мысленно пообещав припомнить Черскому его выходку.

Импозантышем с легкой руки Егора прозвали ведущего телеканала КТВ Пяткова. Когда на главном канале страны появился глянцевого зубоскал Черский с его добродушным стёбом, в пику ему на КТВ взяли нового шоумена-антипода Олега Пяткова: некрасивого, сорокалетнего, худого, как жердь, с хищным ястребиным профилем, глумливой кривой улыбкой и гнусавым голосом. Шоу Пяткова «Такая грязь, такая власть» и «Не может быть» моментально взлетели до небес в прошлом сезоне. Не стеснявшиеся в средствах журналисты выискивали пикантные подробности жизни знаменитостей: от политиков до эстрадных артистов, и, с удовольствием, валяли их в дерьме. Когда пикантных подробностей не хватало, их выдумывали на ходу, подтасовывали факты, устраивали провокации.

Публика с восторгом комментировала передачи в сети, известные люди открыто говорили, что «данную помойку надо закрыть» и демонстративно хлопали дверями, угрожая больше никогда не возвращаться. Правда, буквально через неделю, все обиды забывались, и разобиженные звезды являлись к Пяткову, целовались на камеру и клялись в вечной дружбе. Эфиры были нужны всем, а реклама, пусть даже чернушная, свое дело делала.

Работала реклама и на Пяткова. Из ядовитого комментатора чужих жизней он вдруг превратился в одного из самых желанных мужчин современного телевидения. То, что этот рейтинг был составлен самими работниками телевидения, в частности, того же канала КТВ, никто из зрителей не знал. Согласно якобы проведенному опросу «импозантный ведущий Олег Пятков» занял третье место, уступив в рейтинге лишь двум другим шоуменам этого же канала, актерам по совместительству.

Женщины хотели или думали, что хотели Пяткова, и только Ульяна Некрасова его не хотела, а вот он – совсем наоборот, хотел ее, или думал, что хотел. А когда она отказывалась, мягко или грубо, Пятков говорил гадости, не стесняясь в выражениях.

О конфликте Пяткова и Некрасовой знали многие, и Ульяна думала, что Черский знает тоже, но он видимо не был в курсе, насколько глубока темная пропасть между ними, иначе не стал сводить двух потенциально опасных друг для друга людей на нежелательную близость.

Хотя, шут его знает? Может, и знал и специально стравливал. За десять с лишним лет работы на телевидении, Ульяна уяснила, что друзей здесь нет.

Пятков подошел, равнодушно пожал Егору руку, а она, бросив взгляд на его руки, подумала, что они у него такие же хищные и опасные, словно у злодея Волан де Морта, а в рукаве наверняка спрятана самая могущественная волшебная палочка.

– Олежа, Ульяна ищет героя для своего шоу. Думаю, тебе есть что рассказать. А я полетел. Дела, и все такое! – быстро сказал Егор и, кивнув обоим, побежал по коридору прочь, размахивая пакетом с едой. Ульяна проводила его тоскливым взглядом.

Паршивец!

Пятков стоял рядом и насмешливо смотрел сверху вниз, с высоты двух метров. Под пронзительным взглядом Ульяне стало неудобно, и она сделала попытку уйти, но он загородил дорогу.

– Куда ж ты так спешишь? – спросил Олег. – Неужели даже не поговоришь, не поздороваяешься?

– Здравствуй, – хмуро ответила она.

– Здравствуй. Как дела? Как здоровье? Как рейтинги?

Ульяна задрала нос на недостижимую высоту и, придав лицу независимое выражение, попробовала пройти мимо, но он схватил ее за руку и грубо прижал к стене. Она слабо пискнула, вытаращила глаза и беспомощно поглядела вокруг.

– Может, хватит уже? – зло спросил он.

– Что – хватит?

– То. Будто ты не знаешь. Бегать хватит.

– Я сейчас как заору! – предупредила она. Олег усмехнулся, но руку отпустил.

– Ори, – предложил он.

Ульяна подумала пару секунд, а потом оглушительно завизжала. Олег дернул головой и отпрянул. Курившие неподалеку мужчины встрепенулись, и даже сделали несколько неуверенных шагов по лестнице, но натолкнувшись на тяжелый взгляд Пяткова, нерешительно остановились. Олег посторонился, пропуская Ульяну, и она торопливо юркнула в коридор.

– Дура толстожопая, – презрительно сказал он вслед. – Ты что, всерьез думаешь, что чего-то стоишь? Я пальцами щелкну, и тебя не будет.

Она остановилась и повернулась на каблуках, дерзко посмотрев на Олега.

– Ну, так щелкни, – запальчиво выкрикнула Ульяна. – Ну, чего же ты не щелкаешь?

Олег неприятно рассмеялся, вытянул руку вперед, приблизив кулак прямо к ее лицу, а потом, сложив пальцы птичьим клювом, звонко щелкнул. Ульяна усмехнулась.

– И что? – поинтересовалась она.

– Ничего, – серьезно ответил Пятков. – Все равно будет, как я говорю. Только теперь по-плохому.

За неделю, отступившая было весна, вновь вернулась в Москву, развеяв беспокойство Ульяны.

На улице было тепло, почти жарко. Погода нашептывала грешные мысли об отпуске где-нибудь на югах. Сезон заканчивался. Правда, работа над летними проектами была в самом разгаре, а еще впереди было пафосное вручение очередной музыкальной премии, где Ульяна должна быть одной из ведущих. Но это было далеко, в августе, а на два блаженных месяца – июнь и июль, она могла позволить себе отдохнуть. Ток-шоу, где Ульяна учила всех как нужно правильно обращаться с женщинами, записали впрок, а проект о правильном и здоровом сексе шел в повторе. Маячивший на заднем плане Пятков отступил назад, и Ульяна почти позабыла об его угрозах. Но иногда, увидев в коридорах его долговязую фигуру, она чувствовала, как ёкает сердце, и торопливо проходила мимо, не здороваясь и не обращая внимания.

Олег тоже делал вид, что не замечает ее, демонстративно отворачивался, не приветствовал даже кивком. Ульяну это вполне устраивало, однако она спиной чувствовала его шарящие взгляды, невольно заливаясь краской, яркой, как у всех рыжих. И тогда она надеялась, приговаривая про себя: пронесет, пронесет, главное – дотерпеть до отпуска, а там мало ли... У него проект закроют, ее отправят на Шаболовку, или съемки будут в разные дни.

Ульяна почти поверила, что буря пролетела мимо, и оказалась совершенно выбита из седла, когда шторм внезапно обрушился прямо на голову.

Программа об ее детстве и юности уже была готова. Ульяна специально задержалась на работе, чтобы дожидаться, когда в аппаратной смонтируют фильм до конца, а потом, замерев на краешке дивана, уставилась в экран. Режиссер Ирина Борисовна Шацкая знала свое дело. Ульяна предстала перед зрителями самой настоящей Золушкой, тонкой, ранимой, совершенно покоренной Москвой. Домочадцы и знакомые говорили о ней с такой теплотой, что Ульяна едва не прослезилась, и уже с меньшим отвращением вспоминала поездку в родной городишко, затерянный на краю цивилизации.

– Понравилось? – спросила Ирина Борисовна.

– По-моему, отлично, – откашлявшись, ответила Ульяна внезапно севшим голосом. – Знаете, мне никогда еще не посвящали целую программу. Вот. Дождалась.

– Я тоже считаю, что получилось хорошо, – кивнула Ирина Борисовна. – В сетке ты будешь через две недели. Сейчас Черский пойдет, после него Алёна Ларина, а потом ты. Если что надо подправить, говори сейчас.

– Нет, нет, – испугалась Ульяна. – Ничего не надо подправлять. Все супер!

Подскочив с места, она едва не опрокинула чашку с недопитым зеленым чаем, от которого в животе все сводило судорогой. Ведь терпеть не могла его пить, и все равно послушно пила, поскольку от него якобы худели. Режиссер подняла очки на лоб и рассмеялась.

– Да не суетись ты, Улечка. Это же как девственность потерять, все в когда-то бывает в первый раз. Иди, кофейку попей, а потом мы с тобой еще раз все посмотрим и обсудим, что менять, что оставлять.

– Да все замечательно!

– Да? – с сомнением протянула Ирина Борисовна и зачем-то посмотрела в пустой монитор. – Ну, смотри. В принципе, если тебя все устраивает...

Ульяна снова рассыпалась в благодарностях, и, прижимая руки к груди, торопливо зачистила: все прекрасно, ничего менять не надо, фильм отличный, режиссер великий, оператор талантливый, свет выставлен хорошо. Пятясь задом, она вышла из аппаратной, и только оказавшись за дверями, перевела дух.

Господи, и чего так бояться-то было? Ну, программа, ну, на главном канале страны, ну самая большая аудитория... Делов-то.

От волнения, а, может, от гадкого зеленого чая желудок свернуло в узел. Ульяна вспомнила, что с утра ничего не ела и, застонав, направилась к лифту. Хоть пару бутербродов что ли...

В буфете народа было не протолкнуться. Обедать тут Ульяна не любила: дорого, невкусно, полно людей, с которыми не хотелось встречаться взглядами. Но ехать в кафе или ресторан не было времени. Перед долгожданным освобождением от служебных обязанностей надо было отснять две последние программы. Отстояв небольшую очередь, и строго-настрого запретив себе смотреть на пирожные, Ульяна взяла салатик и бутылочку минералки, пристроилась за свободный столик и стала мрачно жевать. До вечера было еще далеко, а вырваться между съемками не получится. Это значит, что к концу съемок у нее будет в животе урчать. Вокруг были исключительно «свои», телевизионные, привыкшие видеть звезд экрана на расстоянии вытянутой руки, иногда даже в совершенно диких костюмах. Ульяна даже улыбнулась, вспомнив, какой бедлам тут творится на Новый год. Как-то за одним столом с ней сидели Снегурочка, Черт и Полицейский, по-настоящему пьяный в хлам... Тогда они изрядно напились. Вспомнив об этом, Ульяна с тоской посмотрела на пирожные: может, все-таки купить? Нет, надо выдерживать характер, пропади он пропадом!

Ну, и ладно. Зато похудеет!

– Привет, дорогая, – сладко пропели над ухом. – А я смотрю и думаю: ты, не ты?

Ульяна подняла глаза и фальшиво улыбнулась, глядя на подошедшую женщину, затянутую в кожаные брюки и такую же жилетку, не испытывая, впрочем, ни малейшего желания общаться.

– Привет, Аня. Как дела?

– Дела? Да все замечательно... Слу-ушай, я к тебе подсяду, а то что-то народу сегодня...

Ульяна открыла было рот, чтобы возразить, но Анна уже уселась рядом, поставила на стол тарелочку с двумя бутербродами, бросила на свободный стул сумку и лихо закинув ногу на ногу, потребовала:

– Ну, рассказывай!

Ульяна вздохнула и торопливо набила рот салатом, пережевывая его с невероятной тщательностью. Во-первых, рассказывать ничего не хотелось, во-вторых, Анна все равно не даст слова сказать, перебьет и будет бахвалиться своими успехами.

Подвизалась Анна где-то тут, на одном из многочисленных каналов, но уследить за ее перемещениями было невозможно. Она нигде надолго не задерживалась, увольняясь вроде бы по собственному желанию, переходя с места на место, с проекта на проект. По ее словам, она давно завязала с работой от звонка до звонка, предпочитая фриланс, строчила какие-то статейки и сутками торчала в интернете. История ее образования тоже была мутной и неопределенной, варьируясь в зависимости от степени опьянения. Бахвалясь, она все подсовывала желающим посмотреть кучу снимков в недорогом телефоне: вот она с режиссером всея Руси Михайловым, вот с политиком Митрошиным, здесь выпивает с телезвездой Черским и обнимается с певцом Беловым.

Оглушенные знакомые смотрели снимки, многозначительно мычали, кивая головой, мол, ай да Анна, с элитой на короткой ноге.

Правда, на фото звезды имели несколько очумелый вид, словно их застали врасплох, а Анна всегда торчала где-то сбоку либо позади, скалясь в камеру. На единственном снимке, где она действительно оказалась в фокусе, Анна, в компании с телеведущим Александром Галаховым, улыбалась в камеру. У Галахова был странно оскален рот, а локоть он держал так, будто пытался вырвать его из цепких рук случайной прохожей.

Руководитель канала, на котором работала Ульяна, взял Анну после собеседования, поскольку она умела производить нужное впечатление и довольно долго слыла настоящим специалистом. Возможно, она действительно много знала, но, скорее, делала вид, нахватавшись

по верхам. В списках вузов, которые закончила или якобы закончила Анна числились московские ГИТИС, МГИМО, Щепкинское и Суриковское училища, факультет литературного университета и даже балетная школа.

– Лично я ее дипломов не видела, – говорила суровая кадровичка Инна Федоровна, когда Ульяна между делом поинтересовалась новой сотрудницей. – Может, там и ГИТИС, но только по-моему она вам вкручивает. Увидишь ее, передай, что я за ней бегать не собираюсь. Порядок есть порядок. Сказала – принеси диплом, значит, принеси, что мне твое резюме? Резюме – это бумажка. И вообще – морда мне ее не нравится, уж не обессудь. По-моему, она запойная. Слышала я что-то такое...

Ульяна, еще только познакомившись с ней, тоже первое время мычала и кивала, чувствуя себя неотесанной и необразованной. Анна всегда была в курсе всего, и на летучках моментально затыкала всем рты, сыпала цитатами, хвасталась знакомствами и обещала устроить все в лучшем виде. Неудивительно, что в программе Ульяны Анна почти сразу стала ответственным редактором.

Ошеломленное опьянение от всезнайства Анны прошло довольно скоро. Ульяна позже всех поняла, что разбирается новая сотрудница далеко не во всем, знания поверхностны, а связи, которыми она так гордилась, не стоят ни гроша. Сорвав несколько съемок, Анна оказалась под угрозой увольнения, но вовремя взяла больничный, а потом ушла сама. С тех пор Ульяна встречала ее в коридорах телецентра, машинально здоровалась, и согласно кивала, когда Анна начинала причитать в ухо что-нибудь жалостливое, вроде просьб пристроить ее обратно, но никаких действий не предпринимала.

Анна, как обычно, не стала дожидаться, пока Ульяна поделится новостями, быстренько сказала, что работает над новым проектом, пишет сценарий мистического триллера, которым вроде бы заинтересовался сам Михайлов, а потом снисходительно процедила:

– А вообще я сейчас плотно подседа на омегаверс, чего, кстати, и тебе советую. В нем будущее.

– Чьё будущее? – поинтересовалась Ульяна с фальшивым интересом.

– А всехнее. Литературы, например. Живописи. Культуры, милая моя. Культура – она ведь как ртуть, не стоит на месте. Вот ты, к примеру, сидишь с почти голыми сиськами в кадре и думаешь, что это ново, а это уже сто раз обсосано и забыто. Потому что, хоть обижайся, хоть нет, но ты обеими ногами стоишь не то, что даже в двадцатом – в девятнадцатом веке. Это тогда благородные девицы обязаны были по определению немного музицировать, чуть-чуть петь, слегка писать натюрморты и пейзажи. А для чего? Чтобы выгодно продаться будущему мужу. Сейчас, чтобы добиться успеха, женщина должна быть на голову выше любого мужика. Просто ты вращаешься не в тех кругах, потому еще и витаешь в облаках. Помнишь, я говорила, что могу познакомить тебя с нужными людьми, разбирающимися в искусстве?

Ульяна замычала.

Пару-тройку лет назад она сдуру приняла приглашение Анны и явилась к ней в гости, прихватив бутылку вина, разодевшись в пух и прах. По телефону подруга долго и пафосно распиналась «какие будут люди, элита, богема...»

«Элита и богема» оказалась пятью помятыми мужичками в грязных свитерах, с дикими глазами и лохматыми бороденками, и двумя похожими друг на друга тетками неопределенного возраста, с прокуренными порочными лицами вокзальных шалав. Даже накрашены они были одинаково: с жирным слоем голубых теней на веках и морковной помадой, уже изрядно съеденной. Квартира в панельной шестнадцатизэтажке была убита в хлам бесконечными пьянками. Обои слезали со стен ключьями, от стен шел сивушный запах, а тусклые стекла окон не мыли, похоже, несколько лет. Ульяна шла по потрескавшемуся линолеуму, стараясь ничего не касаться, в полуобмороке увидела наглого рыжего таракана, и с тоской оглянулась на дверь: сбежать что ли?

– Это сам Савранский, – шепнула на ухо вынырнувшая из-за угла Анна, кивнув в сторону плюгавого мужичка, ковырявшего пробку на принесенной Ульяной бутылке. – А вот это наша знаменитая поэтесса Пенькова.

– Очи-и-инь ра-а-аая, – жеманно протянула знаменитая поэтесса. Ульяна сглотнула и уставилась на тощие ноги поэтессы, затянутые в синие колготки. Под капроном виднелись сбитые коленки. Ульяна отвела взгляд, посмотрела на Савранского, и еще хотела спросить, чем он знаменит, но Анна уже убежала в гостиную, где, судя по ожесточенным спорам, обсуждалась судьба мировой культуры.

– Гибнет Россия, – грустно сказал кто-то сбоку. Ульяна повернулась и увидела тощего мужика в зеленом свитере, ростом едва достающего ей до плеча.

– Правда? – холодно осведомилась она.

– Правда, – вздохнул мужичок. – Культура в анусе, как ни прискорбно это сознавать. Великие прозябают в безвестности, рынок завален бездарностями, ширпотребом. Миром правит быдло. Не находите, что ситуация напоминает семнадцатый год. Помните, как там у Горького: буря, скоро грянет буря...

Ульяна уже открыла рот, чтобы сообщить: мол, не помню и вспоминать не хочу, как вдруг почувствовала, как ее фамильярно похлопали по попке. С вечеринки она вылетела, злая как сатана, пообещав себе больше никогда к Анне не приходиться, и вообще перестать с ней общаться. Пару месяцев продвинутая и просветленная подруга продолжала навязываться в компанию, стелилась под ноги побитой шавкой, а потом грянули сорванные съемки, после чего Анна пропала с канала.

Сейчас, судя по ее довольной физиономии, дела шли неплохо. Анна жадно съела бутерброды, залпом выпила остывший кофе и продолжила разглагольствовать:

– Взять к примеру, омегаверс... Знаешь, что это? Омегаверс, милая моя, это настоящий взрыв мозга. Взять, к примеру, героев. Здесь все очень тонко. Люди в омегаверсе делятся не на два пола, а на три: альфы, беты и омеги. Основными в омегаверсе полами выступают альфы и омеги. Беты имеют второстепенное значение. Улавливаешь мою мысль?

– Не особо.

– Я так и подумала, – снисходительно ответила Анна. – Альфа в омегаверсе представляется высоким, мускулистым, волевым мужчиной, обладающим способностью находить своего омегу. Так же альфа обладает определенными физиологическими способностями, которые равняют его с волками – это узел на члене.

Узел на члене. Какая прелесть! Ульяна хотела рассмеяться, но вовремя закашлялась и торопливо отхлебнула из стакана.

– Ань, ты, конечно, извини, но вот эта гомосятина как вид искусства меня совершенно не привлекает. Это даже для моей программы дико. Поэтому давай без деталей, и вообще...

– Некрасова, ты такая дремучая, просто ужас! И зачем только я с тобой вожусь столько времени?

– Не возись, – милостиво разрешила Ульяна. – Я не настаиваю.

– Ну, как хочешь, – фыркнула Анна, но почему-то с места не поднялась, мялась в нерешительности, словно хотела что-то сказать. Ульяна жевала кислую капусту, мрачно думая, что сейчас последует очередная просьба пристроить в теплое место.

– Говорят, ты на родину ездила, и там даже фильм о тебе снимали? – небрежно осведомилась она. Ульяна подняла глаза и нехотя произнесла:

– И что?

– А еще говорят, что он в сетке через две недели.

– И что?

– Я знаешь, где сейчас работаю? – вдруг спросила Анна. Не дождавшись вопроса, она продолжила: – На КТВ. Ответственный редактор в программе «Не может быть». С Пятковым в качестве шефа и ведущего. И, скажу тебе по секрету, Олег к тебе неровно дышит.

Ульяна положила вилку на стол и, выставив вперед острые локти, агрессивно спросила:

– Тебе что за дело, кто ко мне неровно дышит?

Анна поджала тонкие губы. Ее небольшие глаза плеснули ядом за стеклами очков.

– Никакого мне дело нет, дорогая, – ласково сказала она. – Только Пятков тоже программу делает, и тоже о тебе. Он целую бригаду журналистов отправил вдогонку твоей команде. И фильм, скажу тебе по секрету, получился совершенно чудовой. Вот только тебе не понравится.

Ульяна ошеломленно смотрела на это хитрое лицо, перекошенной какой-то лисьей алчностью, а Анна, вытащив из сумки диск, подвинула его пальцем по столешнице.

– Он выйдет в эфир за день до твоего, – с притворной жалостью сказала она и добавила, не скрывая радости в голосе: – Мне так жаль, так жаль...

Фильм оказался ужасен.

Планируя съемки, Ульяна неоднократно согласовывала все с автором сценария и режиссером, бегала за репортерами, старательно отсекая бывших коллег, дальних родственников, готовых рассказать нечто неприятное, отсматривала снятое, выбирала наиболее красивые уголки родного города, и все старалась уберечься от удара под дых.

Старалась, старалась, и не смогла. Журналисты КТВ постарались на славу, не стеснясь не только в провокациях, но и подделках.

Программу явно смонтировали лишь частично. По большому счету, она даже программой не выглядела, так, черновым вариантом, окончательно не сведенным. В ряде кадров звучали посторонние голоса, в уголке отсчитывал время секундомер, иногда камера кренилась вбок, а кадр застывал, отчего герои замирали с раскрытым ртом и полуприкрытыми глазами, отчего хотелось сделать им лоботомию. Все эти приветы из прошлой жизни, не стесняясь в выражениях, поднимали из мутной воды айсберг, которому следовало всегда оставаться невидимым.

По большому счету, ничего страшного свидетели не показали. Их уколы были мелкими, но собранные в одну зловонную кучу, превращали Ульяну в какую-то преступницу, неблагодарную дочь и сестру, отвратительную любовницу, воровку, злостную плагиатчицу и бездарность. Позабытые люди с яростной пеной у рта разоблачали звезду экрана с садистским удовольствием.

Когда под конец истории на экране появился Сашка, и на белом глазу начал рассказывать, что в их отношениях наступил полный штиль, и как женщина она его не устраивает, Ульяна испытала настоящий шок. Ее рука уже потянулась к телефону. Еще пара минут, и она набрала бы его номер и велела навсегда убираться из ее квартиры, жизни и воспоминаний, но, к счастью, здравый смысл остановил. В записи ей мерещилось что-то несуразное, но оглушенная ливнем помоев от бывших сослуживцев, родственников, знакомых и незнакомых людей, она не сразу поняла, что тут не так. Вскипятив чайник, Ульяна бухнула в чашку две ложки растворимого кофе, залила кипятком, а потом, вытащив из тайника бутылочку с коньяком, щедро плеснула в горячую коричневую жижу. Прижавшись к оконному стеклу лбом, Ульяна мрачно прихлебывала кофе, собираясь с духом, чтобы досмотреть фильм.

Когда откладывать просмотр стало невозможно, Ульяна уселась обратно в кресло и нажала на кнопку воспроизведения.

То ли после кофе, сдобренного коньяком, то ли просто потому, что вздыбленные нервы слегка улеглись на места, но едва взглянув на экран, она сразу поняла, что не так. На Сашке была растаманская шапочка, которую Ульяна лично выкинула еще год назад. Из под шапки

у экранного Сашки торчали светлые вихры, хотя он уже давно не только вернулся к своему привычному цвету волос, но и вовсе стригся коротко. Перемотав запись на несколько минут, Ульяна тщательно искала несоответствия, и вскоре нашла еще пару. На экране в ухе Сашки болталась серьга, хотя он давно перестал их носить. Но самым важным было то, что описывая свою неудавшуюся личную жизнь с телеведущей Ульяной Некрасовой, он, почему-то, ни разу не назвал ее по имени, довольствуясь неопределенным «она». Стало быть, он говорил о своих прежних отношениях.

Ульяна допила остывший кофе и, оставив чашку, сжала разламывающуюся голову руками.

Значит, КТВ решил пустить в эфир кустарную подделку. И чем это может помочь?

Ничем.

Зрителю будет все равно, какого цвета волосы на голове у Сашки, и как бы он не доказывал, что говорил о своей бывшей, никто не поверит. Какой смысл, если в титрах указано: «певец Икар, бывший бойфренд Ульяны Некрасовой».

Ей захотелось позвонить Сашке, рассказать про мерзкий, не сведенный фильм, о поддельном интервью, а заодно извиниться за свои беспочвенные подозрения. Сашка бы наверняка сказал что-нибудь ободряющее. Руки сами потянулись к телефону, но Ульяна тут же отбросила его, как ядовитую змею.

Нет, Сашке, с его болезненной мнительностью вообще не стоит ничего говорить. Пусть сам увидит и поймет, что это подстава.

Дальнейшее было уже мелочью. Ее даже не удивило, что почти все интервью явно берет Анна, дважды показавшаяся в кадре, и отчетливо звучащая за ним. Это объясняло замеченное в кафе выражение злобного торжества на ее лице.

Ульяна мужественно досмотрела его до конца, а потом, схватив диск, побежала к лифтам. Поднявшись на два этажа выше, она влетела в монтажную, где Ирина Шацкая спокойно пила чаек под мельтешение сразу в нескольких мониторах. Режиссеру это нисколько не мешало. Более того, она как Цезарь могла заниматься несколькими делами сразу, ничего не упуская из виду. Многие считали, что у нее глаза еще и на затылке. Поясницу Шацкой подпоясывала легендарная шаль, давно обглоданная молью до состояния рыболовной сети. Однако избавляться от нее Шацкая не собиралась. Ходили слухи, что именно эта драная шаль согревала ее во время первой чеченской войны, когда Ирина Борисовна отправилась в Грозный снимать фильм о бесчинствах, творящихся на улицах. По слухам, съемочная группа попала под обстрел или бомбежку, а Ирина Борисовна потом вроде бы лично вытаскивала из под завалов детей и раненных солдат, а, может, собственного оператора. Ульяна этим слухам охотно верила, поскольку внимательно разглядывая легендарную шаль видела на ней странные дыры: то ли от шрапнели, то ли от пуль. Ведь не может же моль быть такой аккуратной?

Что там произошло, Шацкая никогда не рассказывала, но после возвращения из Чечни она отправилась к руководству и в ультимативной форме потребовала перевести ее в редакцию развлечений. Операторы и журналисты, работавшие с ней, тоже молчали, а потом как-то незаметно рассосались собкорами: кто в Каир, кто в Лондон, и спросить стало не у кого.

Руководство, судя по всему, о произошедшем было в курсе, поскольку просьбу выполнило моментально, несмотря на то, что в своем деле Шацкая была круче всех. На войну поехал кто-то еще, а Шацкую потом просили смонтировать фильм, но она отказалась даже смотреть отснятую хронику, и Ульяне, которая всегда смотрела на режиссера, как на икону, было ужасно любопытно, почему.

Правда, сейчас ей не было дела до ни до мифических подвигов Шацкой, ни до ее простреленной шали.

– Господи, что с тобой? – изумилась Ирина Борисовна. – На тебе же лица нет!

Объяснять не было сил. Ульяна пробулькала что-то нечленораздельное и сунула Ирине Борисовне диск, и уже потом разрыдалась. Шацкая беспокойно огляделась вокруг и, сообразив, что дело серьезно, вытолкала из аппаратной всех помощников. Просматривая фильм, она не произнесла ни слова, изредка поглядывая на всхлипывающую Ульяну.

– М-да, – сказала режиссер, посмотрев запись до конца. – Что тут сказать... Когда, говоришь, она в эфир пойдет?

– В пятницу, – мрачно ответила Ульяна. – За день до нашей программы.

– Чем же ты, деточка, им так насолила? – ласково спросила Ирина Борисовна. – Ты же не олигарх, не политик, и, пардон конечно, не звезда первой величины, чтобы так под тебя копать. Потратить столько времени на столь незначительную персону, это, по меньшей мере, глупо и недальновидно.

– Это Пятков счета сводит.

– Пятков? – изумилась Шацкая, а потом, прищурившись, оглядела Ульяну с ног до головы. – А его-то ты чем прогневила? Или не дала?

Ульяна не ответила, лишь бросила на Ирину Борисовну тяжелый взгляд. Та изумленно вскинула брови вверх, а потом нервно рассмеялась.

– Да ладно? Наш импозантыш обломился и теперь вот так мстит? Фи, как это мелко. Ты не преувеличиваешь? Хотя... он всегда предпочитал пышных баб. Помню, работала у нас тут одна администраторша, Светка Мурзикова, так он ей проходу не давал, пока не завалил прямо в аппаратной, ну а потом...

– И что дальше? – невежливо перебила Ульяна, которой совершенно неинтересно было слушать про какую-то Светку Мурзикову.

– Дальше? Ничего. Она за ним бегала, а вот Олежа вроде поостыл. Потом Светка ушла с работы, а, может, ее «ушли», кто знает? Но народ над ними потешался. Где-то в кулуарах, говорят, есть даже запись их интима...

Я имею в виду, что мне дальше делать? – пояснила Ульяна. Шацкая замолчала и прищурилась.

– А тебе не все равно? – вдруг спросила она.

– В смысле?

– Ну, ты уж прости, конечно, но я вас, див телевизионных знаю. За лишнюю рекламу удавитесь. А тут такой пиар, пусть даже черный. К тому же, зная Олежу, могу предположить, что передачу он, несомненно, запустит в повторе через полгодика, а то и раньше. Станешь еще популярнее.

– Вы это называете – реклама? – взвывла Ульяна. – Вот это вот... дерьмо?

– Надо же, какая ты трепетная, – усмехнулась Ирина Борисовна. – Да наплюй и разотри. Бери пример с нашей балеруны Ключковой, вот уж кто не парится. И роман у ней напоказ, хотя с бывшим еще отношения не порвала, и на Мальдивах с голыми сиськами возлежит, и в губернаторы она баллотируется, хотя в слове «предвыборная» делает четыре ошибки. Даже мать родная от нее отреклась, и что? Столько грязи вылили, а она и в ус не дует, и на карьере это никак не отразилось. Вон, на всех каналах ее лощеная морда. Всюду зовут, везде рукоплещут. Я ей даже завидую, чесслово. Господи, Уля, это сенсация одного дня! Погавкают, и забудут. На твоём месте, я бы стиснула зубы и перетерпела.

Она фыркнула, повернулась к Ульяне спиной и загасила сигарету в блюдечке, показывая всем своим видом, что волноваться явно не стоит.

– Я так не могу, – тихо сказала Ульяна.

– Не может она, – раздраженно сказала Шацкая, не поворачиваясь. – Из-за ерунды такая истерика. Ну, неприятно, понимаю, но от меня-то ты чего хочешь? Эфир отменить? Ради бога, только с этим к вышестоящему, я такие вопросы не решаю. А на КТВ у меня вообще подвя-

зок никаких нет, все на уровне «здрасьте-до свидания», их передачу снять с сетки я не могу. Хочешь – сама сходи и попроси, хотя сомневаюсь, что Пятков это позволит сделать.

– Я и не думаю, что он это позволит.

– Чего ты там бурчишь?

Ульяна откашлялась, и робко предложила:

– Давайте синхрон перепишем?

Ирина Борисовна крутанулась в кресле так резко, что снесла с пульта блюдечко.

– Что-о?

– Ну, пожалуйста, – взмолилась Ульяна. – Вы же сами говорили, что еще можно что-то исправить, верно? Вот я и хочу исправить. Пусть остается весь видеоряд, мы перепишем только мои слова. Уберем весь лоск. А я расскажу, как все было на самом деле, как меня унижали, обижали, выгоняли.

– Ты с ума сошла?

– Ничего не сошла! Ирина Борисовна, миленькая, ну вы сами подумайте, как мы глупо будем выглядеть, если после такого вот дерьма выйдет передача, где я с радостной улыбкой говорю спасибо всем, кто вывалял меня в грязи! Ну, согласитесь, идиотизм ведь! Там такое, а у нас муси-пуси, люли-люли... Ну, пожалуйста, вы же никого не боитесь!

Шацкая нахмурилась.

– Ты хочешь... – неуверенно начала она.

– Да! – горячо произнесла Ульяна. – Я хочу опровергнуть все слова, сказанные моими родными и знакомыми в нашей передаче. Пусть они скалятся в камеру, пусть поют свои песни. Я расскажу, как было на самом деле!

Ирина Борисовна вслепую нашарила на пульте сигареты, сунула одну в рот, и, забыв зажечь, просидела, сгорбившись на стуле, словно скорбящая вдова.

– Я могу за день отсняться, – сказала Ульяна.

– погоди, не сбивай, – буркнула Шацкая откуда-то снизу и даже дырявую шаль накинула на голову, словно для медитации, как знаменитая прыгунья с шестом. – Да, да, пожалуй... пожалуй... Да, можно так и сделать!

Она выпрямилась, и высунула из шали длинный нос.

– Сделаем из тебя жертву, – быстро сказала она. – А их подадим льстивыми подлецами. Например, что раньше они тебя знать не желали, а как только стала звездой, полезли в друзья... Мы не очень погрешим против истины?

– Мы совсем не погрешим против истины, – сказала Ульяна с горечью.

– Тады ладно. Давай диск. К главному схожу. Без его одобрения я на это пойтить не могу. Мне нужно посоветоваться с шефом, Михайло Ивановичем – сказала Ирина Борисовна хриплым голосом легендарного актера советского кино, и добавила уже нормальным тоном: – А ты иди, умойся, и приведи себя в порядок на всякий случай. Платице выберем поскромнее, а лучше – темный свитерок с высоким воротом, грудь твою задрапируем... Ох, грехи наши тяжкие, сколько же говнюков вокруг, и когда же они сдохнут?

Интервью-исповедь пересняли с молниеносной быстротой, постоянно сверяясь с тошнотным сюжетом телеканала-конкурента. Ульяна, затянутая в глухое черное платье, умеренно накрашенная, с единственным украшением – цепочкой с крестиком на пышной груди, глухим голосом рассказывала, что ей пришлось пережить по пути к славе. Лешка, умница-осветитель, сделал так, что стена за ее спиной окрасилась в сине-белые тона, отчего казалось, что с экрана льется февральский холод. Перемежающиеся радостные сюжеты, Ульяна комментировала с едкой горечью, отчего они приобретали совершенно иной смысл. Персонажи выглядели гротескной пародией на самих себя, и, благодаря умелой режиссуре Шацкой, зрителю было

понятно: бывшие знакомые звезду телеэкрана явно не любят, страшно завидуют, и, вероятно, даже ненавидят.

Звезда сидела перед камерами, теребила крестик, всем видом показывая: вот она я, душа нараспашку. Бросьте в меня камень, если сами без греха.

К продюсерам и всяким другим начальникам, включая разных «сильных мира сего» в шоубизнесе было принято относиться с аффектированным восторгом, даже если накануне вы расстались, наплевав друг другу на башмаки. Очень немногие могли себе позволить открытую конфронтацию. Но поскольку жители родного города Ульяновы в тусовке никакого веса не имели, с ними было решено не цацкаться. Уж она-то точно не собиралась этого делать. Так, без особых церемоний, Ульяна рассказала всё.

Она рассказала о давно спившемся папашке, плоть от плоти деспотичной бабки, любителя воспитывать детей по пьяной лавочке. Напившись, отец частенько попрекал куском старшего брата Ульяны, а потом переключился на нее. Младшей Таньке повезло больше. К тому моменту, когда она подросла и налилась соками, мать не выдержала прелестей семейной жизни и выгнала мужа вон.

Ульяна рассказала о редакторше местной газеты Синичкиной, выгнавшей ее с работы за то, что якобы разрушала семью ее великовозрастного сыночка Сереженьки, бездельника, бабника, и вообще, существа никчемного и неприспособленного в жестоком мире. Сереженька проживал мамочкины деньги, таскался по клубам, менял баб, не желая остепениться, даже женившись, а напившись, приволакивал свою тушу к мамочке на работу и клеился к журналисткам.

Она рассказала о редакторе местного телеканала Иване Отте, выгнавшего ее с работы с формулировкой «профнепригодна» после отказа спать с ним, о коллеге Леночке Папиной, обвинившей в присвоении рекламного бюджета, о бывшей подружке Светочке, бросившей в трудную минуту, о бывшем кавалере Мишке, и прочих, прочих, прочих, имя которым было легион... Под конец этой исповеди Ульяна, периодически вытиравшая слезы, начала нервно хохотать, припомнив веселую историю о глупом добром Винни Пухе, отправившемся вместе с друзьями искать Северный полюс.

– Чего ты ржешь? – недовольно спросила Ирина Борисовна.

Ульяна все смеялась, потом начала булькать и махать руками. Перепуганный Лешка притащил ей воды, а она пила, икала и все пыталась нарисовать им картинку, возникшую в ее воображении: цепочка разнокалиберных героев идет искать Северный полюс.

– Знаете, кто там был последним в этой процессии? – бубнила она. – Ни за что не догадаетесь. Какой-то родственник Кролика, и его звали Сашка-букашка. Представляете? Родственник Кролика – Сашка-букашка. Я всё детство пыталась понять: почему он булашка? А сейчас говорю, говорю, перечислила поименно уродов, нагадивших в душу, высказавшихся на камеру, и вдруг поняла: я уже всех назвала! Всех! Остались какие-то Сашки-булашки, хрень из под ногтей, сброд...

Она закрыла лицо руками и стала заваливаться набок, содрогаясь от истерики. Съёмочная группа оторопело смотрела на Ульяну, не решаясь вмешаться.

– Стоп камера! – скомандовала Шацкая.

Ульяна хохотала, размазывала по нарисованным щекам слезы под вопли гримерш, а потом с воем унеслась в туалет, где провела почти сорок минут, прозаично сидя на унитазах. Отрывая кусочки туалетной бумаги, она вытирала ими щеки. От грима бумага становилась серо-бежевой, и было даже страшно думать, во что превратилось лицо.

«Ну и пусть!», – мрачно думала Ульяна.

Она просидела бы там еще дольше, но от неудобной позы и жесткого керамического трона заболело все, что могло, и даже в коленях отзывалась неприятная ломота. В туалет несколько

раз робко заходили ассистенты и помрежи, завывали на разные голоса, умоляя выйти, и она, наконец, сжалилась, вышла, с ужасом посмотрев на руины макияжа.

Пока гримерши старательно реставрировали лицо, суровая Шацкая терпеливо ждала на своем стульчике и курила, хотя никому здесь курить не разрешалось, и пожарники гоняли проштрафившихся со спортивной злостью. Шацкой на пожарников было плевать, хотя страшнее их в телецентре никого не было, разве что вышестоящие начальники, но их режиссер тоже не боялась.

«Хорошо ей, – подумала Ульяна. – У нее талант и характер. А я – бездарная мокрая курица, которую надо гнать поганой метлой!» И от осознания этого губы снова затряслись. Неловко пристраиваясь на свой стул, она почувствовала, что сейчас снова разрыдается от жалости к самой себе. Ирина Борисовна посмотрела на нее с неудовольствием, раздраженно поправила очки на длинном носу и чуть заметно вздохнула.

– Ладно, деточка, – с неожиданной лаской в голосе сказала она, когда Ульяна вновь устроилась на своем стульчике, – давай заканчивать. Немного уже осталось.

– Хорошо, – угрюмо ответила Ульяна, чувствуя, как горят щеки, а сама она как пить дать наливается чахоточным румянцем. Ей было стыдно за истерику, за «неудержанное» лицо, и слезы, которые видела вся съемочная группа, а значит, имидж независимой сильной женщины разрушен раз и навсегда. Завтра поползут слухи, и с репутацией будет покончено...

Заканчивая съемку, Ульяна еще думала об имидже, и только дома, уткнувшись носом в спину похрапывающего Сашки, поняла, что все это глупость. Пусть говорят, в конце концов! Правильно сказала Шацкая: это событие одного дня. Подумаешь, телеведущая расчувствовалась и разревелась на съемках. Не такое бывало! И дрались, и в морду друг другу водой плескали, швыряли заготовленными бутылками с минералкой и микрофонами, а уж бабские ссоры с выдираньем волос в прямом эфире давно никого не удивляли: ни работников, ни зрителей.

Все обойдется.

Жизнь наладится, козни врагов рассосутся, сезон закончится, и она поедет в отпуск на Мальдивы. Дождется, когда Сашку выгонят с проекта – вряд ли ему дадут победить – и поедет вместе с ним месяца на полтора. А с Мальдив, загорелая и отдохнувшая, в Москву, вести музыкальную премию, в паре с Александром Галаховым или Егором Черским. А потом – новый сезон, новые проекты, суетливые дни в Останкино, которые так любила. Она настолько поверила в это, что в пятницу, перед самым эфиром, встретив в коридоре Пяткова, бросила ему небрежное:

– Зря старался, дорогой. Мы все пересняли и пустим передачу сразу после твоей. Так что вашими разоблачениями можно будет подтереться.

Ульяна так старательно произнесла эту фразу, буквально пропев ее медовым голосом, и даже прищурилась, ожидая, как исказится от гнева лицо Олега, но он почему-то лишь ядовито усмехнулся, вошел в лифт и укатил вниз, оставив ее в недоумении. В душе шевельнулось нехорошее предчувствие, что в этом спокойствии Пяткова крылось что-то паршивое, но она никогда не была сильна в аналитике. Задушив предчувствие в зародыше, она спокойно отработала весь день. А вечером, когда Ульяна уже собралась уходить, позвонила Анна, истерически визжа что-то невнятное.

– Спасибо тебе большое, дорогая, – яростно выплюнула она в трубку, когда Ульяне удалось ее немного урезонить.

– Пожалуйста, – недоуменно ответила Ульяна. – А за что?

– За что? За что? Ты меня еще будешь спрашивать, за что?

– Ань, ты или говори, или перезвони, когда успокоишься, – хладнокровно сказала Ульяна. – Завтра, например. Или через недельку.

– У тебя еще хватает наглости мне такое говорить? – взвыла Анна. – После всего, что я для тебя сделала?

Подобные фразочки были вполне в ее духе. Анна частенько напяливала на себя чужие достижения, приписывала чужие благодеяния собственной персоне, чтобы казаться более значительной. Но если раньше это выглядело безобидным трепом, то выслушивать это сейчас не было ни сил, ни желания.

– Что ты для меня сделала? – ошалело повторила Ульяна, а потом, взвившись от злости, воскликнула: – И что ты для меня сделала?

– Ой, вот не начинай сейчас! Ты мне ноги должна целовать! – заорала Анна. Ее гнусавый голос в мгновение ока поднялся вверх на две октавы, сравнявшись почти с ультразвуком, от которого заболели уши. Ульяна поморщилась и даже трубку от уха убрала подальше.

– Господи, да за что интересно? За твой поганый проект? За то, что ты поперлась к моим родителям и стала копать в грязи? За это, Аня?

– Да! Да! За то, что я сделала бы тебя знаменитой! Именно я сделала тебя кем-то!

– Аня, я уже была кем-то и без тебя, – устало возразила Ульяна.

– Да кем ты была? Что бы ты делала? Ты забыла, сколько раз я оказывала тебе услуги? Пиарила, рекомендовала...

– И сколько? – ядовито поинтересовалась Ульяна. Анна предпочла не услышать.

– Так ты мне отплатила? Меня сегодня по твоей милости с работы поперли. Олег сказал: благодари свою подружку! Только ты рано радуешься! Поняла? Рано радуешься...

Дальше слушать было невыносимо. Ульяна отключила телефон, а после еще нескольких попыток Анны дозвониться, внесла ее номер в черный список. Настроение было испорчено на весь оставшийся день. Как она ни старалась, но предчувствие беды, сопровождаемое визгливым голосом Анны, ходило за ней до самого вечера, впитываясь ядом в кожу. Ульяна, решившая отказаться от ужина, на нервах съела сразу три сосиски, политые кетчупом и майонезом, больше всего желая, чтобы Сашка не увидел, как жадно она ест.

«Рано радуешься, рано радуешься...»

Она особо и не радовалась. Ночью спала плохо, ворочалась, сбив одеяло в ком, а утром встала разбитая и несчастная, с отеками под глазами. Физиономию удалось подправить с помощью контрастного душа. Памятуя о вчерашнем плотном ужине, Ульяна отказалась от завтрака, на обед съела сухой тост, перестирала на нервах скопившееся белье, а вечером, не в силах терпеть, опять наелась борща вприкуску с салом. Ненаглядного не было дома, и стесняться не пришлось.

В субботу вечером, предварительно подготовив Сашку, она уселась перед телевизором, решив посмотреть фильм Анны о себе. Сашка, правда, что-то бубнил, что накануне анонса не было, и он бы лучше посмотрел футбол, но его мнение Ульяну не интересовало. Дождавшись заставки передачи «Не может быть», она приготовилась бесстрастно взглянуть в лицо правде и полуправде, подготовленной журналистами телеканала, на котором работал Пятков.

С экрана на Ульяну посмотрели бессмысленно-прекрасные глаза балерины Ключковой, уже в который раз причитавшей о своей загубленной карьере, поруганной любви и кознях конкурентов. Балерина заламывала руки, вдыхала могучей грудью, раздобревшей на вольных, после театральной голодовки, хлебах, тискала дочурку, кусала губы, изображая страстные чувства к эстраднему певцу, и осуждала папарацци, якобы охотившихся за ней день и ночь, и в Лондоне и на Мальдивах. То, что у большей части редакций нет денег, чтобы охотиться на третьесортную плясунью на Мальдивах Ключкова предусмотрительно не сказала.

Ничего не понимая, Ульяна досмотрела передачу до конца. Может, будет два сюжета, две героини? Вполне вероятно... Но почему этого нет в анонсе?

Балерина Ключкова все страдала, и дострадалась до самых титров, а после рекламы начался сериал, отчего сразу стало понятно: программы про Ульяну сегодня точно не будет.

На следующий день на главном канале страны вышла история Золушки Ульяны Некрасовой, во всех красках расписавшей свою прежнюю жизнь. После этой исповеди ее телефон

и страницы социальных сетей разрывались от проклятий знакомых и родственников с малой родины. Ульяна все ожидала, что Олег перенес эфир на другой день, но программа не вышла ни на следующей неделе, ни еще через одну, и почему он затеял этот странный демарш она так и не поняла.

Заканчивая работу перед концом сезона, Ульяна подсознательно ждала от Пяткова какой-то пакости, отчего не могла позволить себе расслабиться. Зная его слишком хорошо, она все крутила в голове произошедшее, понимая, что не может он просто так оставить ее в покое. Однако до самого последнего рабочего дня ничего так и не произошло. Телеканалы со спокойной душой переключились на повторы прошлых передач и занялись новыми проектами, готовыми стартовать с сентября.

Устав ждать гадостей, Ульяна уехала на Мальдивы. Она никогда не была сильна в аналитике, оттого и понадеялась на русское «авось». Наказав Вадику, любителю светских сплетен, отслеживать программы на КТВ, она с наслаждением выбросила московские дразги из головы. Целый месяц на юге, что может быть лучше?

Месяц, конечно, был чисто теоретическим. На самом деле это было двадцать два дня и ни днем больше, и то пришлось долго все утрясать и согласовывать, переносить, договариваться с льстивыми улыбками. Но улыбаться Ульяна умела. Тем более, предвкушая море, солнце и абсолютное безделье подальше от коллег. Даже отель она выбирала, чтобы русских туристов было поменьше. Сашка хотел полететь вместе с ней, но он все еще участвовал в своем спортивном шоу и даже делал успехи, несмотря на травмы.

– Если меня выгонят, то я первым самолетом к тебе, – пообещал он сонно. – Но я надеюсь дойти до финала. Может быть, мне даже медаль дадут...

– Угу, – рассеяно ответила она. – Посмертно. Сань, на на фига тебе это все? За две недели растяжение, нос чуть не сломал, палец выбил... Ну, не быть тебе олимпийцем, чего пыжиться-то? Это же не проект, а какое-то гестапо. Может, ну его? Поедем со мной сейчас? Там так хорошо...

Дремавший Сашка даже подпрыгнул от возмущения, и Ульяна тут же пожалела, что разбудила это лихо.

– Ты соображаешь, что говоришь? – пробурчал он. – У меня впервые за последние три года поперла масть, а ты предлагаешь все бросить и полететь на твои сраные Мальдивы?

– Они не мои, к сожалению. Были бы мои, я бы оттуда не вылезала...

– Да мне по хрену! – взвизгнул он. – Меня снова стали приглашать. Уже два корпоратива за неделю. Два! А месяц назад я лапу сосал.

От ярости он покраснел и даже стал задыхаться, и Ульяна поспешно «приняла меры». Пока он надувался злобой, она скинула халатик и улеглась рядом с двусмысленной улыбочкой на губах. Распаялся он быстро, а перед таким мощным оружием, как ее грудь, полная, внушительная, терял волю, зарываясь в нее, как неразумный телок. Сейчас, когда Ульяна была перед ним виновата, Сашка мог делать все, что заблагорассудится, чем он и воспользовался. Он мял, тискал грудь, впивался губами в пунцовые соски, кусал и вообще сознательно делал ей больно, вынуждая вскрикивать.

Иногда Ульяне казалось, что он специально делает ее виноватой, чтобы потом творить все, что ей не нравилось, и тем самым компенсирует собственные неудачи. Отдаваясь Сашке, она с определенным недовольством осознала, что Вадик, по всей вероятности, прав, и привычка быть рядом с таким внешне роскошным самцом, как певец Икар, еще не повод терпеть его бесконечное нытье и истерики.

«Ведь есть же где-то настоящие мужики, – думала она, восторженно охая, постанывая и прикусывая губу, как это делают актрисы специфического кино. – Нормальные, непуганые

шоубизом, не отличающие Версаче от Картье, плюющие на рейтинги и эфиры, ласковые, нежные, заботливые. Ведь есть же! Только где их взять?»

Сашка в этот вечер не был ни ласковым, ни нежным. Он в принципе был довольно эгоистичным в постели, но если раньше хотя бы изображал страсть, то после ссоры в его резких движениях не осталось ничего, кроме вымещения собственной обиды. Ульяна терпела. В такие минуты ей вспоминалось начало собственной карьеры, а еще внезапно накатывала странная жалость к проституткам, вынужденным терпеть все прихоти клиентов, молодых и старых, без шансов отказаться.

Как же она ненавидела такие моменты...

– Между прочим, – небрежно сказал Сашка, когда страсть улеглась и прикрылась простыней, – сегодня мне сказали, что мы как пара выглядим смешно.

Наверное, он специально хотел ее добить. Даже взгляд, насмешливый, из-под прикрытых век, был настороженным: попал – не попал. Показывать, насколько болезненным был этот удар, врезавшийся под дых, она не могла, еще чего не хватало!

– Кто сказал? – с деланным равнодушием спросила Ульяна, подавив желание треснуть чем-нибудь по этой лоснящейся от самодовольства физиономии.

– Да какая разница? Девчонки с проекта. Прямо вот так подошли и сказали: Саня, как бледно выглядит рядом с тобой Уля. Так растолстела, постарела.

Самое обидное, что это было правдой. Мало того, что Сашка был моложе, так еще и участвуя в проекте, он заметно подтянулся, похорошел и помолодел, а вот она...

«Расплылась, раздобрела, матушка, – послышался ей ехидный голос Пяткова, никогда не упускавшего возможность сказать гадость. – Как в телевизор-то помещаешься, толстожопая?». Ульяна сглотнула и спросила:

– А ты?

– А я, конечно, их заткнул, – фыркнул Сашка. – Но, знаешь, в чем-то они правы. Это твое обжорство по вечерам... И вообще, ты действительно перестала за собой следить. У тебя даже кожа на груди сморщилась...

Ульяна промолчала. Как же, сморщилась у нее кожа...

К собственной внешности она относилась трепетно, как и все теледивы. Масочки, массаж, прическа, макияж – все это требовало невероятных усилий и времени. Впрочем, процедуры были приятны. Если бы, действительно, избавиться от этой ужасной привычки наесться на ночь! Но домой она частенько возвращалась поздно вечером, усталая, голодная, как волк, и мысль, что сейчас надо будет лечь в постель с пустым животом, наводила на нее обморочный ужас. На голодный желудок Ульяне снились кошмары и, проворочавшись в кровати час или два, она шла на кухню, малодушно обещая, что это в последний раз.

Тем не менее, его замечание было обидным. Ульяна не питала особых иллюзий в отношении собственных талантов и прекрасно знала: ее зыбкая карьера держится разве что на пышном бюсте и аппетитной попке, предметах вожделения тысяч мужчин, которым не нравятся тощие дылды-модели. Но если она сама хоть на сантиметр вылезет из категории «пышных форм», ее переведут в толстухи, а толстухи на экране никому не нужны. Злые камеры и так добавляют лишние десять кило.

«Приеду на Мальдивы, буду неделю есть одни фрукты, – мрачно пообещала она себе. – Ну, может еще какие-нибудь йогурты. Вернусь стройной, как кипарис, запишусь на танцы, стану ходить на каток и всем утру нос».

Ничего из вышеперечисленного она, разумеется, делать не собиралась, но думать так было приятно.

Из-за размолвки прямо перед отъездом, прощание получилось скомканным. Сашка уехал на съемки, торопливо чмокнув ее в щеку, когда Ульяна еще валялась в постели, а она безразлично подумала, что вчерашний секс так и не стал пластырем, стянувшим рану ссоры, и,

вероятно, скоро им надо будет серьезно поговорить, а может, даже расстаться. А потом, она выбросила неприятные мысли из головы и стала весело скидывать в чемодан приготовленные накануне вещи. Собираясь, Ульяна подумала, что в этом есть даже какой-то налет романтики. Героиня бежит из осажденного замка, а принц на белом коне должен будет найти мятежную Златовласку и вернуть в родной дом, осыпать лепестками роз и победить дракона.

...Встреча была коротка. В ночь ее поезд увез...

Приободренная мечтами Ульяна доехала до Шереметьева, и, недолго просидев в вип-зале, прошла в самолет.

Пару дней она не делала ничего. Валялась на пляже, ела, пила, потом снова валялась, старательно мазалась кремом, чтобы не обгореть сразу. Ее нежная кожа в россыпи коричневых веснушек сгорала быстро. Ульяна почти не выходила из тени большого зонта над шезлонгом и все равно почувствовала, как покалывает кожу на плечах. К вечеру второго дня она покраснела, словно у варенного рака, но уйти с пляжа было лень, да и некуда особенно. Разве что отправиться на морскую экскурсию, но там тоже предстояло пробыть под открытым палящим солнцем. Да и не хотелось, если честно. И без того перелет был утомительным. Сперва международный рейс с назойливыми соплеменниками, сующими в нос свои фотоаппараты, потом внутренние авиалинии, с болтанкой и тряской. В аэропорту отбирали все спиртное, даже купленное в дьюти-фри, невзирая на вип-степень, бесцеремонно, не расшаркиваясь и почти грубо. Открывали бутылочки с холодным чаем и подозрительно принюхивались, а потом часть бутылок летела в урну.

– Трезвость – норма жизни, – тяжело вздыхал оставшийся безмянным пассажир, который всю дорогу настойчиво строил Ульяне глазки.

Она промолчала и, дождавшись своей очереди, торопливо прошла на паспортный контроль, получила шлепок печатью и почти бегом бросилась прочь. Скорее, скорее, подальше, к солнцу, морю, только бы багаж не задержали! Не хватало еще любопытных взглядов и расспросов: где она будет отдыхать и нельзя ли присоединиться.

Ульяна почувствовала, что отупляющее безделье благотворно действует на ее истерзанные нервы. Крохотный атолл Мииму, на котором располагался ее отель, можно было обойти за полчаса вокруг. Отдыхающих было мало, и, к счастью для Ульяны, рядом не было ни одного соотечественника, готового изводить ее повышенным вниманием. Отель вообще был наполовину пустым, без назойливой и никому не нужной анимации. Заселившиеся парочки вели себя тихо и на уединенность Ульяны особо не посягали. А она и не стремилась ни с кем познакомиться: отдыхала, купалась, бродила по мелководью, разгоняя мелкую рыбешку.

Ей было хорошо. Единственной неприятностью, обнаруженной сразу после прилета, оказалось то, что купальник, на покупку которого в Москве она потратила целый час, а потом примеряла дома, почему-то оказался мал и неприятно сжимал грудь. Пришлось наспех купить новый: аляповатый и дешевый тут, в лавчонке у отеля. А заполошные покупки никогда не доставляли Ульяне удовольствия. Она бы, возможно, походила еще, но невыносимо хотелось искупаться, да и дешевая синтетическая тряпка облепила тело, как вторая кожа.

«Потом куплю новый», – подумала Ульяна.

Из Москвы летели звонки и смс. Обычная текучка. Ничего интересного. Помреж сообщил, что на канале очередные перестановки, но их программы это не касается. Вадик, оставленный бдить, отписался, что за последние три дня неожиданных разоблачений не было. А примерно на пятый день позвонил недовольный Сашка и сообщил, что его выгнали с проекта, и завтра он вылетает к ней. Заскучавшая Ульяна даже обрадовалась, прокрутила в голове план романтического воссоединения и легла спать пораньше, нарисовав в воображении волшебную сказку, совершенно не подходящую прагматичному Сашке. Скорее всего, ее усилия пошли бы

прахом. Сашка был не в духе и ей, по всей вероятности, придется вновь служить громоотводом. Но она так соскучилась, что решила ничего не отменять.

«Потерплю, – решительно подумала Ульяна. – Или он потерпит. Всего-то один день!»

За окном волны лизали песок, а ветер шелестел пальмовыми листьями. Звезды, далекие и совсем другие, были так близко, что, казалось, их можно достать рукой. Она заснула совершенно счастливой, думая о завтрашнем дне, как о грядущем празднике, разметавшись на громадной кровати.

Завтра. Спокойное, наполненное сытым благополучием и осознанием, что так будет всегда. День, когда можно не беспокоиться ни о чем.

Назавтра все и случилось.

– Ты представляешь, они меня слили, – бушевал Сашка, стаскивая с себя пропотевшую рубашку и штаны. Штаны, белые, зауженные, слезать не хотели, отчего ему приходилось скакать по бунгало бодрым козлиным галопом.

Еще вчера она посоветовала бы ему присесть на кровать и стащить облепившие брюки спокойно, но сегодня было не до того. Она почти не слушала рассказов об его злоключениях, зябко ежилась и обнимала плечи руками, словно находилась на полюсе льда, а не в тропиках.

Ей было холодно от страха, а еще от смутного осознания, что сейчас она поделится ужасом с Сашкой, а он не захочет взять ни кусочка ее страданий, и значит, мучиться придется в одиночку.

– Вообще, это было не шоу, а фарс, – заявил Сашка. – По-моему, все заранее было подстроено. Если бы судили по честному, а не по симпатиям, я точно бы в финал вышел, а то и победил. Но, ты же знаешь, как все устроено...

Стащив штаны, Сашка подозрительно их осмотрел, а потом сморщился и швырнул в угол.

– Господи, ну и жарница... Я мокрый весь. Тут душ хоть нормальный или, может, сразу пойти искупаться?..

Ульяна не ответила. Стащив с себя трусы, Сашка, в чем мать родила, направился в душ, предусмотрительно не закрыв за собой дверь. Судя по всему, ему хотелось поделиться новостями не меньше чем ей.

– Нет, поначалу все было хорошо, – крикнул он ей сквозь шум воды. – Действительно, отсеивались слабейшие. Ты бы видела, кто там участвует! Какие им там состязания! Они отжаться не могли больше двух раз. Представляешь, позвали Никиту Жихоря, так он срезался на первом же испытании, хотя вроде здоровый, как слон. Но, по-моему, он просто очканул и решил красиво уйти... А, я тебе это еще дома рассказывал, да?

Ульяна не помнила, рассказывал или нет, потому промывчала нечто невразумительное. Слова влетали в одно ухо и вылетали из другого, так и не успев обрести какую-либо форму. Сашка болтал и болтал, весело отфыркиваясь и, кажется, не понимая, что говорит в пустоту.

– ...А потом нас поделили на две команды, – крикнул Сашка. Шум воды прекратился. Ульяна расслышала, как прошлепали мокрые босые ноги по кафелю. – И начались соревнования. Каждая выигравшая команда могла дать иммунитет одному бойцу проигравшей команды, а те, в свою очередь, выгоняли слабейшего, по их мнению. И ты представляешь, на третьем голосовании они выгнали меня! Ты слышишь?

– Угу, – пробурчала Ульяна. – Слышу.

– Там такая бойня началась. Это все Светка Цыпленкина, с КТВ, дурочка с переулочка, хренова интриганка! Коровица толстожопая! Сама команду назад тянула, всегда последней приходила, но ведь умудрилась, бл...ца, всех подговорить... Понятно, что конкуренты никому не нужны. Мне так тяжело было уходить, аж сердце заболело! Я даже расплакался.

– Не сомневаюсь, – вздохнула Ульяна.

– Чего?

– Ничего.

Она уже понимала, что никакого сочувствия не дожидается, но втайне надеялась, что он проявит сколько-нибудь понимания, позволит уткнуться в его твердое плечо, в которое можно будет выплакаться, а потом, излив свой ужас, что-то решить. Ведь не может такого быть, что вылет с какого-то вшивого реалити-шоу для него важнее ее, Ульяны?

Сашка вышел из душа, голый, с мокрыми взъерошенными волосами, открыл сумку и стал в ней копаться.

– Я бы пообедал, наверное, – сказал он. – Хочется чего-нибудь остренького, но не индийского. Тут есть мексиканская кухня?

– У меня опухоль в груди, – произнесла Ульяна.

Она думала, что после произнесенных слов бунгало на хлипких подпорках тряхнет так, что оно развалится, крыша рухнет, погребая под собой непрошенных гостей, обломки посыплются в море, а стайки напуганных рыбешек брызнут в разные стороны, удирая от невиданной опасности. Возможно, что крыша рухнет не сама по себе, а придавленная тяжелыми небесами, которые не смогли удержаться на положенном месте. От руин бунгало пойдет цунами, и тяжелая грязно-зеленая волна сметет не только раскиданные по океану Мальдивские острова, но и материки, превращая планету в пустое мертвое море, от полюса до полюса. И не останется ничего, только тишина, нарушаемая плеском злых волн.

– Чего-чего? – спросил Сашка. Не понял, или просто не расслышал?

– У меня опухоль в груди, – тупо повторила Ульяна, удивляясь, что мир не только выстоял, но даже не дрогнул.

– Как это?

– Очень просто, как бывает у людей. Опухоль. Вот здесь.

Она опустила ладонь на правую грудь и даже слегка надавила пальцами на тревожащий участок, словно надеясь, что плотный шарик под кожей куда-нибудь исчезнет, пропадет и перестанет ее беспокоить.

Ульяна и сама не понимала, почему не обнаружила ее раньше. Может быть, потому что притаившийся под кожей враг был в неудобном месте, снизу, в таком, которое не бросалось в глаза, и почти не прощупывалось. Если бы утром она не проснулась, почувствовав странный дискомфорт, возможно, обнаружила это новообразование гораздо позже. Но утром, встав с постели, она увидела на простынях крохотное бурое пятнышко, расплывшееся по материи неаккуратной кляксой. Ничего не понимая, Ульяна наморщила лоб, отбросила простынь и стала внимательно оглядывать свое тело: оцарапалась что ли?

Правый сосок мало того, что кровоточил, он и выглядел странно. Его прежняя аппетитно-выпуклая форма изменилась, став сдавленной и вроде даже сморщенной.

Подбежав к зеркалу, Ульяна с ужасом стала осматривать грудь. Она тискала ее, давила, наблюдая, как из соска сочатся темные капли, а потом, стоя в дурацкой позе, закинув правую руку за голову, приподняв правую грудь, она нащупала под кожей уплотнение, которого не было раньше.

Она простояла перед зеркалом долго, а потом, обреченно склонив голову, встала под душ, пустила воду похолоднее и, стиснув зубы, пыталась выкинуть из головы тяжелые подозрения. В конце концов, это еще ничего не значило. Это мог быть жировик, или что-нибудь еще, неприятное, но легко поддающееся лечению. Словом, что угодно, только не рак, не рак! А даже если и рак, то какой-нибудь безобидный, если можно назвать злокачественную опухоль безобидной. Может, стадия начальная, легко поддающаяся лечению. Пусть даже химиотерапия, ужасное дело, пусть волосы вылезут – не зубы, в конце концов, новые вырастут...

«Не надейся, – ядовито хихикал плотный комочек в груди. – Никакая я не киста. Тебе не удастся просто так чикнуть скальпелем и избавиться от меня. Я сожру изнутри, выжгу дотла, и ты сдохнешь в муках!»

Ульяна знала, что даже если опухоль окажется злокачественной, это не приговор. Ведь вылечилась и известная российская писательница, и даже малявочка-припевочка Кайли Миноуг, и еще куча знаменитостей. И ничего. Жили, работали, получали удовольствие.

«Не в твоём случае! – хохотнула опухоль. – Тебе не повезет. А даже если повезет, придется пройти семь кругов ада, и ты сама знаешь, что будет самым главным!»

Ульяна стиснула грудь. Она знала это слишком хорошо.

Ее выдающийся бюст давно стал визитной карточкой. Именно грудью в полном смысле этого слова она пробивала любые стены. Вполне возможно, что лечить рак (Господи, пусть это будет не рак!) придется разными тяжелыми методами. Возможно, что придется пережить кое-что еще.

Ампутацию.

Господи, боже мой.

С изуродованной фигурой она будет никем. Никому не нужной телеведущей, чей статус держался исключительно на внешних данных. Не самой талантливой и даже не самой любимой. Растеряв аудиторию из похотливых мужиков, она сразу станет лишней и на канале, и на всем телевидении. И куда потом идти? В диджей на радио? Или вообще – вон? Обратно, в деревню Гадюкино, в газету, писать унылые статейки о свиноводстве? Ведь никто не поддержит, не подаст руку. Коллеги будут только рады сожрать ее с потрохами ради перспективы занять теплое место поближе к экрану.

Ульяна ждала от Сашки каких-то слов, а он все молчал и хлопал ресницами, недовольно кривил губы, будто был не рад, что она втягивала его в эту грязную историю с болезнью.

– Слушай, а ведь я говорил, что грудь у тебя сморщилась, – безжалостно сказал он, а потом, спохватившись, испуганно добавил: – Уль, но это ведь наверняка ерунда какая-нибудь. Тебе не шестнадцать лет. Может, это родинка?

– Внутри? – вежливо осведомилась она.

– Ну, или как там ее... киста. Ничего страшного. Подумаешь. Приедешь в Москву, а там чик-чик, и снова в девочках. Ерунда, Улька! Расслабься. Пойдем купаться, а? Или сперва пожрем? Я голодный, как волк. Где тут пляж получше? У гостиницы или ехать надо?

– Мне нельзя теперь на солнце, – с ненавистью сказала она. – Ты понимаешь?

– Ну что ты себя накручиваешь? – разозлился Сашка. – Ты же делаешь только хуже. Все болезни от нервов. Сейчас издергаешься из-за ерунды, наживешь помимо этой фигни еще и язву. А потом окажется, что зря переживала. Пойдем, поедим лучше?

Ульяна подняла глаза и уставилась на Сашку, в глазах которого за показной бодростью плескалось сомнение и страх.

– А если не зря? Саш, если не зря? Ты будешь со мной рядом все это время? Выдержишь химиотерапию, гормоны, мое плохое настроение? Я буду блевать постоянно, плакать. Я поухаживаю, Саш, и может быть, у меня отрежут грудь. Ты готов все это вынести?

Сашка переступил с ноги на ногу, а потом сказал с нежностью:

– Ну, конечно готов. Ты же знаешь.

Глаза у него виляли, как лисий хвост, заматающий следы. И, несмотря на то, что ей до смерти хотелось принять его слова, Ульяна Сашке не поверила. Тем не менее, она позволила утешить себя на пляж и даже выпила пару бокалов шампанского за счастливое воссоединение. Сашка заливался соловьем, тормошил ее, но его бодрость выглядела фальшивой. Осознав, что попытки развеселить пропали зря, он надулся, а потом и вовсе ушел купаться один. Ульяна долго просидела в тени зонта, прихлебывая мерзкое теплое шампанское, а когда оно кончилось, выхватила из ведерка подтаявшую льдинку и стала жадно грызть, пока не заныли зубы.

Сашка пришел поздно. Ночью, когда Ульяна придвинулась к нему и со значением провела ладонью между лопаток, Сашка недовольно пробурчал:

– Ой, я так устал сегодня. Давай завтра, малыш?

– Конечно, – прошептала она, перекатилась на другой бок и вцепилась зубами в подушку, чтобы не разрыдаться.

В Москву возвращались порознь. Сашка чего-то напутал с билетами, долго ругался, что не получилось отдохнуть как следует, и улетел утром. Ульяна вылетела вечером, угрюмая, расстроенная, измученная бессонницей. За последнюю неделю, она потеряла аппетит, мало спала и уже была не рада отпуску, жалея, что в очередной раз послушалась Сашку и осталась на островах до конца.

– Чего ты в такую панику впала? – убеждал Сашка. – Это наверняка простой жировик. Ради этого не стоит портить жизнь.

– А если рак? – не сдавалась она.

– Ну... Если рак, все равно уже ничего не сделаешь. Прилетишь в Москву, и будешь разбираться. Но я уверен, что ты реально зря... кипишуешь.

От этого его жаргона она даже немного успокоилась, вытерла слезы и как послушная девочка потопала за ним на пляж, под палящее солнце, хотя была уверена: нельзя этого делать. Поплавала на катамаране, немного поныряла с маской. Под водой, теплой, как суп, суетились безмозглые рыбешки: яркие, разноцветные, плавали маленькие акулы, у которых память – Ульяна где-то слышала – всего на десять секунд, а потом жизнь с чистого листа.

Хорошо бы и ей так. Десять секунд, и все забыто.

Сашка, несмотря на уверения в несерьезности ее состояния, по ночам отодвигался как можно дальше, будто брезговал прикасаться. За все время секс получился всего дважды: торопливый, жалкий и как будто снисходительный, от которого хотелось не блаженствовать, а рыдать. А после секса Сашка убегал в ванную и долго стоял под душем, остервенело натирая свои причиндалы мочалкой, хотя раньше так никогда не делал. Он избегал прикосновений и больше не трогал Ульяну сам, словно она уже лежала в гробу и разлагалась. В его взгляде появилось что-то неприязненное, а улыбка казалась фальшивой.

«Все правильно, матушка, – хохотал плотный комочек в груди. – А ты как думала? Сейчас твой молодой кобель найдет сучку поздоровее, и будут они жить-поживать со своим племенным выводком. Только ты этого не увидишь!»

Самолет был не то, чтобы совсем пустым, но свободных мест хватало, даже в бизнес-классе несколько кресел остались незаняты. Сашкины оправдания выглядели бессмысленными. Похоже, он действительно торопился удрать. Она и сама хотела удрать, трусливо, бросив к чертям тропический рай. Возможно в маетной и суетливой, как муравейник Москве нервы и успокоились бы. Торопливо швыряя вещи в чемодан, Ульяна бегло подумала, что если Сашка прав, и у нее действительно нет ничего серьезного, отдохнула она довольно бездарно. Даже сувениров друзьям не прикупила.

Она нисколько не удивилась, что в Шереметьево ее никто не встретил. Было бы даже удивительно, если бы Сашка стоял у трапа с букетом цветов, а потом на руках нес до лимузина. Усаживаясь в такси, Ульяна зло усмехнулась: сейчас приедет домой, а там на столе прощальная записка: «Дорогая, не поминай лихом, наша встреча была ошибкой.»

И пустые плечики в гардеробе. Финита. Ушел, кавалер!

Ульяна все-таки не выдержала и позвонила, но трубку никто не снял. Впрочем, неудивительно. Ранним утром Сашка, нагулявшийся по ночным клубам, еще спал, и мог проспать полдня. Так что пропущенный вызов еще ничего не значил, но в душе уже за клубилась тревога. И что теперь? Вадику позвонить или Лерке. Они всегда в курсе происходящего, вот только позориться не хотелось. К тому же придется сказать, что возможно, заболела.

Вадик будет ахать, всплескивая наманикюренными ручками. Лерка погладит по плечу. Возможно, они даже напьются вместе. А потом эта сладкая парочка разнесет по всей Москве весть об Ульяниной болезни, старательно приукрашивая и нагнетая страху. На работе начнут

шептаться, сочувственно кивать и шарахаться, как от прокаженной. И в итоге все равно выгнать под благовидным предлогом: мол, не можете же вы, дорогая, в таком состоянии, справляться со столь трудными обязанностями. Надорветесь!

Наливаясь злобными мыслями, Ульяна смотрела в окно такси, и даже не заметила, как добралась до дома. Пока шофер выволакивал из багажника ее чемодан, она бросила торопливый взгляд на понатыканные у подъезда автомобили.

Сашкин «мерседес» стоял на месте.

Ульяна торопливо бросилась к дому, втащила ставший совершенно неподъемным чемодан по ступенькам, утрамбовала в лифт и, добравшись до своего шестнадцатого этажа, ввалилась в квартиру.

Сашка, развалившись на кровати, спал лицом вниз, сунув под щеку руку. Ульяна с минуту смотрела на него, чувствуя, как с души сваливается тяжелый груз, а потом не спеша разделась и легла рядом, обняв за плечи.

– Ты уже прилетела? – сонно спросил он.

– Прилетела, – прошептала она.

– Все хорошо?

– Все хорошо, – ответила Ульяна. – Все будет хорошо.

В Москве все было по-старому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.